

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундии
из дома
Валуа
(1364–1477)**

*Том 2. Филипп
Смелый*

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундии
из дома Валуа (1364–1477).
Том 2. Филипп Смелый**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364–1477). Том 2.
Филипп Смелый / П. Барант — «Издательские решения»,

Второй том труда М. де Баранта посвящён правлению Филиппа Смелого (1364–1404). Автор описывает дипломатические интриги, войны, безумие короля Карла VI, церковный раскол и крестовый поход на Никополь. Смерть Филиппа завершает эпоху стабильности и открывает путь к гражданской войне бургиньонов и арманьяков.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Книга вторая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364—1477) Том 2. Филипп Смелый

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-1172-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Предлагаемый вниманию читателя второй том монументального труда французского историка, государственного деятеля и пэра Франции Амабля Гийома Проспера Брюжьера, барона де Баранта (1782—1866), посвящён одному из самых переломных и драматических периодов позднего Средневековья — правлению Филиппа Смелого (1342—1404), родоначальника младшей ветви дома Валуа. Именно политика Филиппа, хитроумного, великолепно и расчётливого правителя, заложила фундамент того беспрецедентного могущества Бургундского государства, которое достигнет своего апогея при его внуке Карле Смелом, а затем рухнет под стенами Нанси. Хронологически том охватывает события с середины 1380-х годов, когда после победы при Розбеке Фландрия окончательно перешла под власть Бургундии, и до самой смерти герцога в 1404 году, когда королевство Франции уже стояло на пороге катастрофы.

Однако книга Баранта — это не сухая придворная хроника и не перечень дат и сражений. Перед читателем разворачивается подлинная историческая драма, написанная ярким, образным языком французской романтической историографии первой половины XIX века. На страницах тома оживают грандиозные, но бесславные проекты высадки в Англии, пышные турниры и маскарады, закончившиеся трагической гибелью участников «бала объятых пламенем», ожесточённая борьба придворных кланов, интриги и вероломство. Центральное место в повествовании занимают два взаимосвязанных кризиса, потрясших основы французской монархии: многолетний церковный Великий раскол (схизма), раздиравший христианский мир на два враждующих лагеря, и, что самое трагическое, нарастающее безумие короля Карла VI Безумного.

Именно на фоне этой хрупкости королевской власти особенно ярко высвечивается фигура Филиппа Храброго — герцога, чьё имя вынесено в заглавие тома. Барант создаёт сложный, объёмный портрет правителя, в котором уживаются противоречивые черты: он умелый дипломат и дальновидный политик, друг мира, но при этом непревзойдённый мастер интриги; он щедр до расточительности, окружив свой двор невиданной роскошью, но при этом обременён долгами; он верный вассал и дядя короля, но при этом неуклонно пекущийся лишь о возвышении собственного дома. В книге подробно освещены такие знаковые события эпохи, как крестовый поход 1396 года, закончившийся сокрушительным разгромом христианского рыцарства при Никополе (где пленником турок-османов оказался и наследник Бургундии Жан Бесстрашный), трагическая гибель легендарного рыцаря Ангеррана де Куси, а также начало открытой вражды между двумя ветвями королевского дома — Орлеанской и Бургундской, которой суждено было ввергнуть Францию в пучину гражданской войны арманьяков и бургиньонов. Смерть Филиппа Смелого в 1404 году становится в книге символическим рубежом: пока был жив этот благоразумный и властный государь, он ещё мог сдерживать разрушительные силы. С его уходом все сдерживающие механизмы окончательно рушатся.

При работе над своим многотомным сочинением де Барант опирался на богатейший корпус первоисточников, прежде всего на хроники Жана Фруассара, «Религиозного из Сен-Дени» (французского монаха-современника), мемуары Жювенала дез Юрсена, а также на архивные документы, в том числе из библиотеки Дижона, что придаёт его повествованию особую достоверность и фактологическую насыщенность.

Данный перевод выполнен по парижскому изданию 1824 года (*Ladvoat, Paris*) с сохранением архаизированного, но ясного и эмоционального стиля подлинника. Издатель стремился как можно точнее передать живую интонацию барантовской прозы, её изящество и драматизм, чтобы современный русскоязычный читатель мог в полной мере погрузиться в эту бурную и трагическую эпоху конца Столетней войны, когда на исторической сцене ещё царил рыцарство, но его доспехи уже были овеваны дыханием грядущих катастроф.

Книга вторая

Проекты высадки в Англии. — Ссора герцога Бретонского и коннетабля де Клиссона. — Война против герцога Гелдернского. — Дядья короля отстранены от управления. — Убийство коннетабля. — Безумие короля. — Его дядья возвращают себе власть. — Переговоры с англичанами.

После того как Фландрия была умиротворена, герцог Бургундский задумал осуществить великий проект — высадиться в Англии с грозными силами. Новая причина, добавившаяся к пылкости юного короля и всех его рыцарей, побуждала к исполнению столь многих обязательств, взятых столь публичным образом. Герцог Ланкастерский собирался предпринять большую экспедицию в Испанию против короля Кастильского, самого верного и могущественного союзника Франции. Итак, приготовления возобновились, и никогда еще не готовились к войне с большей торжественностью и большими расходами; новые налоги, более высокие, чем те, что взимались на протяжении ста лет, были наложены на все сословия, на каждый город, на каждый добрый город и на всю сельскую местность. Многие люди были обложены налогом в четверть или треть своего состояния, были даже такие, у кого требовали больше, чем они имели [1].

Были созваны все сеньоры, даже из самых отдаленных земель. Союзников Франции также пригласили присоединиться к армии. Корабли были собраны по всему морскому побережью, от Кадиса до Пруссии. Но голландцы и зеландцы отдавали свои суда лишь за хорошую цену и уплатой наличными. Жители Зирикзе в Зеландии даже отказались чем-либо помогать экспедиции против англичан.

Наконец, такого флота еще не видывали в христианском мире; так что уже в сентябре 1386 года в порту Слейс насчитывали тысячу двести восемьдесят семь кораблей. Коннетабль, со своей стороны, собирал другой флот в Трегье в Бретани. Все делалось с таким размахом, что был сооружен деревянный город, который надлежало перевезти в Англию и все части которого можно было собрать незамедлительно, чтобы разместиться по прибытии. Каждый сеньор соперничал в великолепии припасов, которые грузил на борт, и особенно в украшении судов, предназначенных для него [2]. На мачтах виднелись лишь роспись и позолота; всё было раскрашено гербами и покрыто геральдическими щитами; паруса были расцвечены цветами каждого рыцаря. Знамена, вымпелы, флаги из богатых тканей развевались по ветру. Говорили, что сир де ла Тремуиль истратил более двух тысяч франков на украшение своего корабля [3]. Но ничто не могло сравниться с кораблем герцога Бургундского. Он был весь расписан снаружи золотом и лазурью. На нем развевались пять больших знамен с гербами герцогства Бургундского, графства Фландрского, графства Артуа, графства Ретель и графства Бургундского; четыре морских флага на лазурном фоне с белыми хвостами; три тысячи штандартов с девизом Герцога; этот девиз, без сомнения, был взят по случаю, но он сохранил его навсегда; это был: «Мне не терпится». Он был также вышит золотом на парусах в окружении маргариток [4].

Эта пышность дорого обходилась народу; он тешил себя по крайней мере надеждой, что на сей раз его деньги и лучшее из его достояния не будут рассеяны впустую и что англичане с их предприятиями будут навсегда обузданы [5]. Герцог не только взимал налоги со своих подданных в Бургундии, но и изыскивал всевозможные способы добыть средства. Он продал свое покровительство коммуне Безансона, вольному имперскому городу, обещая ему за пять-

сот франков в год содержать гарнизон не в самом городе, а в соседнем замке Шатийон, с губернатором по выбору коммуны.

В то же время он вытребовал у своего доброго города Дижона крупную сумму в восемь тысяч золотых франков для улаживания тяжбы, которую его прокурор возбудил против мэра и эшевеннов. Речь шла главным образом о праве, которое коммуна якобы имела, давать освобождения от налога и распределять его по своему усмотрению. Она уступила в своих притязаниях и была вынуждена допустить, чтобы чиновники Герцога совместно с магистратами наблюдали за сбором талы и субсидий. Парижский парламент утвердил это соглашение [6].

Тем временем, уже более трех месяцев, рыцари прибывали отовсюду и размещались в городах Фландрии и Артуа. Повсюду пекли сухари, наполняли бочки вином, солониной, мукой, салом, маслом, солью, луком, яичными желтками, овсом и даже сеном для лошадей. Казалось, что хотят отправиться основывать какую-то далекую колонию [7]. У каждого было доброе намерение, но каждый думал, что это немалое приключение. Герцог Бургундский сделал все свои последние распоряжения.

Он торжественно составил завещание в Аррасе 13 сентября в присутствии Жана де Вьенна, адмирала Франции, сира де ла Тремулья, камергера Бургундии, Жана Канара, канцлера, Ги де Понтайе, маршала, Гийома де ла Тремулья и Удара де Шазерона. В нем он повелевал прежде всего, чтобы его тело было погребено в гробнице, камни для которой он заранее приобрел, в Шаммольской картезианской обители, им основанной; он желал, чтобы его дражайший кузен и верный камергер, сир де ла Тремуль, был похоронен у его ног; он запрещал, чтобы его похороны были пышными или дорогостоящими, и не требовал иных торжеств, кроме месс и молитв; он сделал огромное количество завещательных отказов бедным и богадельням своих владений и Парижа. Он предписывал большое число благочестивых оснований для церквей, капитулов и монастырей, особенно для Шаммольской картезии. Дабы восполнить паломничества, которые он намеревался совершить к Сен-Клоду, к Святому Антонию Вьеннскому, к Богородице Пюи-ан-Веле и которые его здоровье и служба королю всегда мешали ему исполнить, он оставлял крупные суммы этим трем церквям. Бедным школярам Парижского университета он давал сто золотых франков. Он завещал двадцать тысяч франков служителям своего отеля, подтверждал дарения, ранее сделанные им сеньорам де ла Тремулью и своим главным рыцарям. Долги его не были забыты, и он настоятельно рекомендовал уплатить их. Он предписывал своим преемникам бережно хранить образ с реликвиями, который он получил от своего возлюбленного брата короля Карла. Он оставлял прекрасный бриллиант своему брату герцогу Беррийскому, распорядился, чтобы несколько других драгоценных камней перешли по наследству к будущим герцогам Бургундским. Остальные он отдавал герцогине, с тем чтобы она уплатила половину их стоимости для исполнения завещательных отказов, означенных в упомянутом завещании.

Он также заранее произвел раздел между своими детьми. Жан, граф Неверский, его старший сын, должен был получить Бургундию и Фландрию. Антуан, второй сын, должен был унаследовать Артуа, Ниверне, Ретелуа и сеньорию Дуэ. Своим дочерям он оставлял лишь денежные суммы.

Он также тщательно определил, какими должны быть совет и дом его преемника. Он желал окружить его, как во Фландрии, так и в Бургундии, слугами, чья верность и искусность были испытаны, и чтобы ничто не было изменено в управлении его владениями.

Герцогиня Бургундская и граф Неверский подписали с ним это завещание; они обязались исполнить все его волю [8].

Король, столь же нетерпеливый, как и любой из его рыцарей, уже покинул Париж, протистившись с королевой, герцогиней Орлеанской и всеми дамами французского королевского дома. Он отслушал торжественную мессу, отпетую в Парижской Богородице, за успех своего оружия. Затем он отправился просить орифламм в Сен-Дени; сперва ему отказались ее дать;

ибо это святое знамя должно было нестись только против неверных и для защиты королевства, никогда — для завоевания других стран. Оттуда он направился в Санлис, где своим присутствием ускорял военные приготовления; затем в Амьен, затем в Аррас, где соединился с герцогом Бургундским.

Ничто не могло сравниться с радостью сеньоров и рыцарей. «Мы идем, — говорили они, — против этих проклятых англичан, которые причинили столько зла и страданий во Франции. Наконец-то мы отомстим за наших отцов, братьев и друзей, которых они предали смерти [9]». В этом духе пыла и войны они покидали свои дома и пересекали страну, чтобы прибыть во Фландрию. В местах, через которые они проходили, их было такое множество, что вся округа была опустошена и разорена. Ничего не оставалось в деревнях, уже разоренных налогом. Богатые отчаивались, а бедные бежали; землепашцы, которые собрали и убрали свои урожаи, не имели более ничего, кроме соломы, и если они пытались возражать, их избивали или убивали; пруды были выловлены; дома разбирали, чтобы топить. Если бы англичане пришли во Францию, они не смогли бы причинить большего опустошения, чем войска французских людей оружия. «У нас нет денег, — говорили они, забирая всё, — по возвращении мы вам заплатим». Бедные люди проклинали их сквозь зубы и тихо говорили: «Ступайте, и пусть ни один не вернется!» [10]

Всё было готово: меры приняты, порядок установлен; король находился в порту Слейс. Каждый день повторяли: «Король отплывает завтра». Он сам в удовольствие ходил на своем корабле и говорил: «Мне очень не терпится отплыть, и, думаю, я буду хорошим моряком, ибо море мне нисколько не вредит». Но ждали герцога Беррийского, который всё еще был в Париже. Король написал ему, чтобы он ехал, и не получил иного ответа, кроме того, что ему надлежит развлекаться и хорошо есть, пока он ждет [11]. Этот ответ привел короля и герцога Бургундского в великий гнев. В этом многочисленном войске начинался беспорядок. Съестные припасы были дороги; рыцари истратились, наперебой друг перед другом, без всякой предусмотрительности. Крупные сеньоры хорошо получали свое жалованье от казначеев военных расходов, но простые рыцари не видели ни денье. Их отсылали из недели в неделю. Одни были вынуждены закладывать свои доспехи; другие, получив восемь дней жалованья вместо восьми недель, которые им задолжали, возвращались к себе домой. Время года становилось холодным и ненастным; все спорили и роптали на столь странные задержки. Воины от этой досады становились еще более жестокими по отношению к горожанам и местным жителям, так что те едва не взбунтовались. Воспоминание о Розбеке и о жестокостях французов примешивалось к их новым страданиям. Немногого недоставало, чтобы вспыхнуло всеобщее восстание, и, возможно, ни один рыцарь, ни один оруженосец не вернулся бы во Францию. К счастью, сир де Гистель своими добрыми речами сумел успокоить жителей Брюгге, которые уже начали братья за оружие [12].

Наконец герцог Беррийский тронулся в путь, делая малые переходы; он прибыл в Слейс. «Без вас, дядюшка, — сказал король, — мы были бы уже в Англии». Герцог Беррийский лишь рассмеялся в ответ и отвечал насмешками и издевательскими словами, обращая всё в шутку. Однако он осмотрел приготовления, и все подумали, что наконец-то отплытие состоится. Но через неделю он заявил, что сезон слишком далеко зашел; что ветер встречный; что флот коннетабля пострадал от бури на пути из Трегье; что армия в плохом порядке; что, наконец, нельзя допустить, чтобы король лично участвовал в столь опасной экспедиции; что он решительно этому противится, но охотно отправится сам вместе со своим братом Бургундским. «Если кто-то едет, поеду и я», — говорил король. Короче, было решено отложить предприятие до следующего года, а король тем временем вернется во Францию. Это значило отказаться от всего. Сеньоры и рыцари были в ярости. Их обманули и разорили. Они распродали свои припасы за бесценок, чтобы добыть немного денег и иметь возможность вернуться домой. Добрые города и всё королевство были истощены налогами, от которых не было никакого проку. Флот был рас-

сеян бурей, и англичане захватили много кораблей. Прекрасный деревянный город был оставлен герцогу Бургундскому, и от стольких обещаний и стольких затрат ничего не осталось [13].

Однако было решено не прекращать из-за этого вести активную войну с англичанами. Герцог Ланкастерский переправился в Испанию, чтобы помочь королю Португалии против короля Кастильского. Было постановлено отправить туда армию под командованием герцога Бурбонского и сиров де Линьяка и де Пассака. Денег не хватало: была наложена новая талья; и торопились так, что вместо того, чтобы позволить людям из добрых городов самим собрать свой налог и отчитаться в сумме в Париже, повсюду были разсланы королевские комиссары; там, не слушая возражений сеньора или коммуны, они вызывали двенадцать самых богатых, требовали с них всю подать и, в случае неуплаты, отправляли в тюрьму, предоставляя им затем самим взыскивать с более бедных. Жители Шампани и Пикардии, доведенные до нищеты столькими тальями, одна не ждавшей другую, бежали, покидая свои жилища, и в большом числе отправлялись селиться в Эно или в Льежском епископстве, где талья была неизвестна [14]. Так случилось около этого времени, что некий святой отшельник, казавшийся благочестивейшим из людей и воспитанный в суровости жестокого покаяния, явился ко двору и попросил аудиенции у короля. В доказательство своей миссии он показывал крест, чудесным образом запечатленный на его руке. Сперва ему было отказано, и дело получило немалую огласку; но наконец король пожелал его видеть и слышать. Тогда он сказал, что Бог открыл ему: если вспомоществования не будут отменены, Его рука отягощеет на короле; Он покарает его в его собственной персоне и лишит всякого потомства. Король был сильно взволнован словами отшельника и всерьез задумался об отмене вспомоществований. Герцоги Бургундский и Беррийский, узнав об этом, пришли к нему; они сказали ему, что этот отшельник — всего лишь безумец и не следует обращать внимания на его слова. Они показали королю, что без вспомоществований нечем будет поддерживать войну, ни содержать его дом и дом королевы. Таким образом, ничего не было изменено [15].

В то же время, когда французская армия отправилась в Кастилию, англичан атаковали и на море. Коннетабль собирал остатки флота в Трегье и, желая воспользоваться великими раздорами, царившими тогда в Англии, хотел высадиться там с несколькими тысячами копий. Сир де Куси и нормандские дворяне также вышли в море и стали крейсировать против английских кораблей. Поначалу их успехи были счастливыми, они разбили вражеский флот под командованием мессира Хьюго Спенсера, взяли его в плен и завладели богатой добычей.

Англичане, в свою очередь, получили благоприятный случай. Они подстерегли фламандский флот, который каждый год отправлялся в Ла-Рошель за винами из Сентонжа и Пуату и для торговли со всей этой областью Франции; они атаковали конвой, когда тот, богато нагруженный, возвращался и собирался войти во фламандские порты. Бой был ожесточенным. Фламандцами командовал искусный адмирал, очень любимый Герцогом, по имени Жан Бюк. Граф Арундел был адмиралом английского флота; с ним находился Пьер Дюбуа, и, так как он имел опыт мореплавания и знал маневры фламандцев, он давал мудрые и смелые советы. Фламандский флот был разбит, Жан Бюк взят в плен, и если бы порт Слейс не предоставил убежища рассеянным кораблям, всё было бы потеряно. Пьер Дюбуа хотел, чтобы атаковали Слейс, и, возможно, им удалось бы захватить его с первого натиска. Англичане высадились поблизости и произвели большие опустошения на побережье [16].

Герцог Бургундский был очень огорчен потерей своих кораблей и своего адмирала. Но во всем прочем ему сопутствовала удача. Он распорядился по своему усмотрению королем Франции. Он добился от него сохранения за собой Лилля, Дуэ и Орши, которые он некогда обязался вернуть после смерти графа Фландрского. Беспреданно он заставлял уступать себе сумму королевских налогов, наложенных на Бургундию и другие его владения во Франции; беспреданно король возмещал ему крупные суммы за расходы, которые он якобы понес в интересах королевства. Так он расточал свои щедроты при дворе и на всех, кто окружал короля;

по всякому поводу — подарки и великолепные дары королю, королеве, герцогу Беррийскому. Он дарил им бриллианты, жемчуг, произведения ювелирного искусства самой тонкой работы, золотые и серебряные ткани. Его собственная семья и главные его служители также пользовались небывалой щедростью. Он обставлял свои замки сукнами и arrasскими коврами, прекраснее всех, виденных до тех пор. Он был не менее щедр к церквам и дарил им богатейшие облачения. Свадьба двух его дочерей также стала предметом большой расточительности и расходов. Он обручил вторую дочь с Леопольдом Австрийским, который прежде был предназначен старшей, впоследствии вышедшей замуж за герцога Вильгельма Баварского. Третья, едва родившаяся, была по торжественному договору просватана за Аме, сына графа Савойского. Таким образом герцог Бургундский обеспечивал себе могущественных союзников; но также он был весьма верен в оказании им добрых услуг. Граф Савойский оказался в войне с маркизом Монферратским, и он послал ему сто человек оружия под началом сира Готье де Вьенна. Вскоре после этого он отправил двести двадцать человек оружия под командованием Гийома де ла Тремуйля на помощь герцогине Брабантской, своей тетке, которая находилась в войне с герцогом Гелдернским [17].

Это дело внезапно приобрело большую важность. Сей князь заключил союз с англичанами и принял от них пенсию в четыре тысячи франков; ободренный их покровительством, он отправил вызов королю Франции. Его отец, герцог Юлихский, был человеком мудрым, которого некогда король Карл V привлек в союзники Франции большими дарами; он даже сделал его своим вассалом, пожаловав ему сеньорию Вьерзон. Поведение его сына не казалось ему благоразумным, и он говорил ему: «Гийом, вы так долго будете этим заниматься, что мы дорого заплатим за вашу поездку в Англию. Разве вы не знаете, что герцог Бургундский могущественнее любого князя? Как сможете вы сопротивляться столь грозному сеньору?» На что герцог Гелдернский отвечал: «Чем он богаче и могущественнее, тем лучше воевать с ним. Я гораздо предпочту иметь дело с богатым сеньором, у которого много владений, нежели с каким-нибудь мелким графом, у которого мне нечего будет взять. За один удар, который я получу, я нанесу шесть. К тому же, у меня будет помощь короля Англии и императора Германии, его союзника. — Клянусь верой, сын мой, вы безумны, — продолжал герцог Юлихский, — и пройдет время, прежде чем ваши надежды сбудутся [18].

Самонадеянность герцога Гелдернского была столь велика, что его письма с вызовом королю Франции были написаны весьма неучтивым языком и даже не содержали никакого объявления войны. Бедный оруженосец, который их вез, очень боялся, что ему не поздоровится за доставку такого послания. Он прибыл сперва в Турне и передал письма прево города, а затем хотел вернуться; но прево приказал заключить его в тюрьму и послал спросить у герцога Бургундского, что с ним делать. По приказу Герцога его доставили в Париж. Тут уж он счел себя мертвецом; напротив, его не сделали ответственным за поведение его господина; король даже дал ему прекрасный серебряный кубок с пятьюдесятью франками внутри [19].

В любое другое время подобное оскорбление повлекло бы скорое возмездие. Высокие бароны Франции были все весьма разгневаны; они говорили, что король не должен жалеть ни трудов, ни затрат, дабы сей мелкий князь извинился за свои дерзкие слова; и что, если не пойти на такого дерзкого соседа, иностранцы станут дурно говорить о дворянах королевства Французского, чей долг — хорошо советовать королю и блюсти его честь. Сир де Кузи был в числе самых настойчивых в требовании отмщения этим немцам [20]. Но королевский совет находился тогда в больших затруднениях.

В то время как коннетабль делал в Трегье приготовления к своей экспедиции в Англию, герцог Бретонский, дабы заключить мир с англичанами, которые, будучи им недовольны, возвратили свободу Жану де Блуа, его сопернику в герцогстве Бретонском, решил погубить коннетабля, их самого грозного и неутомимого врага. Он также думал при этом и о мести; ибо коннетабль, не боясь ему досадить, выдал свою дочь замуж за Жана де Блуа. Кроме того, с

тех пор как он поступил на службу Франции, он проявлял такое рвение, что увлек за собой большинство главных сеньоров Бретани, сделав их, подобно себе, слугами короля; так что они почти перестали быть подданными и послушными своему прямому сеньору [21].

Когда уже накануне отплытия, герцог Бретонский собрал большой парламент баронов и бретонских рыцарей. Он ласково просил коннетабля присутствовать там; сир де Клиссон счел бы за провинность перед своим сеньором не явиться, хотя и знал, что тот дурно к нему расположен. Герцог Бретонский принял его за своим столом с самыми любезными манерами, затем принял приглашение на обед у него, пожелал ему счастливого пути и, когда они собрались расходиться, уговорил его пойти посмотреть прекрасный замок Эрмина, который он строил близ города. Он сел на коня со своим шурином сиром де Лавалем, сиром де Бомануаром и несколькими другими рыцарями и отправился в Эрмин.

Герцог Бретонский повел его за руку из покоя в покой, тщательно всё ему показывая; они вместе выпили в погребе; затем, когда они оказались у большой башни, герцог Бретонский сказал ему: «Сир Оливье, нет человека, который бы так хорошо, как вы, разбирался в каменных работах, ибо вы создали прекраснейшие, особенно в вашем замке Клиссон: поднимитесь на мою башню и скажите мне, как вы ее находите. Я изменю в ней то, что вы раскритикуете. Поднимитесь; я останусь здесь ненадолго с сиром де Лавалем». Коннетабль поднялся по лестнице; но едва он миновал первый этаж, как подосланные люди заперли за ним дверь, набросились на него и заковали в цепи, говоря: «Монсеньор, простите нас, ибо таков приказ». Сир де Лаваль, услышав шум и заметив, что дверь закрывается, заподозрил неладное; он взглянул на герцога Бретонского и увидел, что тот совсем побледнел. «Ах! Монсеньор, что вы хотите сделать? — сказал он. — Не имейте, прошу вас, никакого дурного умысла против моего шурина. — Сир де Лаваль, — ответил герцог Бретонский, — садитесь на коня и уезжайте. — Нет, Монсеньор, я не уеду без коннетабля», — возразил сир де Лаваль. Тут подошел сир де Бомануар, который также спросил о коннетабле. Герцог в ярости выхватил кинжал и бросился на него: «Хочешь ли, чтобы с тобой обошлись, как с твоим господином? — сказал он ему. — Монсеньор, — отвечал сир де Бомануар, — полагаю, что с моим господином обходятся хорошо. — Я спрашиваю тебя еще раз: хочешь ли, чтобы с тобой обошлись, как с ним? — Да, Монсеньор». Тогда герцог Бретонский, бледный и дрожащий, поднял кинжал, говоря: «Я выколю тебе глаз; ты будешь кривым, как он». Сир де Бомануар преклонил колени и сказал: «Монсеньор, в вас столько доброты и благородства, что, если будет угодно Богу, вы будете справедливы к нам. Мы в вашей власти; мы пришли сюда по вашей просьбе и по вашему приглашению в вашем обществе; не бесчестите себя, исполняя безумную мысль, которая вами владеет; это вызовет слишком много толков. — Ну хорошо, — сказал герцог Бретонский, — с тобой не обойдутся ни хуже, ни лучше, чем с ним». Он приказал заковать его и запереть.

Весть быстро распространилась по замку и городу; все были поражены изумлением и полагали, что герцог Бретонский собирается предать смерти коннетабля и сира де Бомануара. Рыцари говорили: «Никогда еще князь не покрывал себя таким бесчестием, как герцог Бретонский. Он просил коннетабля отобедать у него; он сам пришел к нему в отель, пил его вино, просил его посетить свой замок: а затем держит его пленником. Никогда не бывало ничего подобного, ни в Бретани, ни где-либо еще? О чем думает герцог? Вот он навеки обещен и опозорен? Никто более не будет доверять князьям, раз герцог так заманил в свой замок и обманул ложью этих мудрых и доблестных мужей. Кому можно и должно доверять более, чем своему сеньору? Не должен ли сеньор всегда творить правосудие своим людям? Если бы мелкий рыцарь совершил подобное, он был бы обещен!.. Что скажет король Франции, когда узнает эти новости? Вот и его война с Англией сорвана! Герцог Бретонский ясно показывает, что у него на сердце и как он весь — англичанин. Королю Франции надлежит отомстить за это деяние... И что теперь должны делать рыцари и оруженосцы Бретани? Им следовало бы осадить замок Эрмин, взять Герцога живого или мертвого и привести этого вероломного князя

к королю Франции». Другие, более хладнокровные, добавляли: «Сир де Лаваль остался с ним, это сеньор мудрый и благоразумный, он сумеет наставить Герцога на истинный путь».

Именно этим и занимался сир де Лаваль, и нельзя было терять времени. Ибо трижды герцог Бретонский приказывал снять с коннетабля оковы и трижды приставлял его голову к плахе, затем приказал сиру де Бавалану, губернатору замка, бросить его в мешке в воду. «Ах! монсеньор, — восклицал сир де Лаваль, распростершись на коленях, — ради Бога, пощадите! не совершайте такой жестокости против моего шурина коннетабля. Он не заслужил смерти; кто может так сильно гневить вас против него? Если он оскорбил вас, клянусь вам, что он или я искупим своим телом или своим имуществом, по вашей воле, нанесенную вам обиду. Монсеньор, ради Бога, вспомните, как вы оба были товарищами юности и воспитывались в одном отеле с герцогом Ланкастерским, сим благородным князем. Вспомните, с какой верностью он служил вам до мира с королем Франции; он помог вам вернуть ваше наследство, и вы всегда находили в нем доброго советчика и доброго воина; на вашей службе он потерял этот глаз. — Сир де Лаваль, — отвечал герцог Бретонский, — оставьте меня поступать по моей воле, Клиссон слишком оскорбил меня; настал час отмщения, я ничего не желаю от вас, уезжайте, дайте мне свершить мою жестокость; я хочу, чтобы он умер. — Монсеньор, — продолжал сир де Лаваль, — ради бога, пощадите! удержите немного ваш гнев, выслушайте доводы рассудка. Если вы его казните, ни один князь не понесет такого бесчестия; в Бретани не будет ни рыцаря, ни оруженосца, ни города, ни замка, ни доброго города, которые бы не возненавидели вас смертельно и не захотели изгнать вас из вашего наследства; король Англии и его совет даже не будут вам за это признательны. Вы себя погубите из-за жизни одного человека. Примите другое решение, ибо это никуда не годится; погубить себя перед Богом и миром, предательски умертвив столь великого барона и столь благородного рыцаря, как сир де Клиссон. Подумайте же, что вы пригласили его на обед, что вы сами приняли его приглашение, что вы привели его в свой замок, выказывая ему величайшую любовь, что вы вместе пили как добрые друзья: и вы хотите его предать смерти! Коль вы так его ненавидите, назначьте ему выкуп, потребуйте у него любую сумму, какую пожелаете; если у него есть города или замки, которые вам подходят, потребуйте их, я ручаюсь, что он вам их отдаст».

Ничто не могло унять ярость герцога Бретонского. Когда этот князь гневался, он ничего более не слышал и никого не признавал. Сир де Бавалан также бросился к его ногам и умолял его не бесчестить себя. «Чтобы мне больше об этом не говорили, Бавалан, — ответил он, — я хочу получить удовлетворение от этого злого человека, который меня оскорбил! Делай, что я тебе сказал, или ты ответишь мне за это своей жизнью».

Так прошла ночь, сир де Лаваль почти ни на шаг не отходил от герцога Бретонского и возобновлял свои мольбы, не уставая. Наконец под утро к нему вернулись лучшие мысли, он подумал о великой беде, в которую ввергается, о бесчестии, которым покрывает себя, о вероломстве своего поступка. Он был погружен в эти размышления, когда сир де Бавалан вошел в его покои. «Монсеньор, — сказал он, — ваша воля исполнена; хотя это мне дорого стоило». При этих словах герцог Бретонский начал отчаиваться; он хотел умереть; он рыдал навзрыд. «Ах, дурной слуга, — говорил он сиру де Бавалану, — что послушался моего безумного гнева и предал смерти столь благородного рыцаря». Но сир де Бавалан мог лишь напомнить ему его собственные слова. «Монсеньор, — отвечал он, — вспомните, каким образом вы мне это приказали и какие угрозы вы мне высказали». Герцог Бретонский заперся один и даже отказывался от пищи. К вечеру сир де Бавалан вернулся. «Ах! что вы пришли делать, — сказал герцог, — и зачем показываться мне на глаза? Лучше бы мне умереть. Дал бы Бог, чтобы я умер! Какое лекарство можно приложить к злу, которое вы мне причинили?» Тогда сир де Бавалан ответил ему: «Монсеньор, успокойтесь, мессир де Клиссон не умер. Видя гнев, который вас обуревал, я дал вам приказать согласно вашей воле; но поразмыслив о том, что из этого могло бы впоследствии, я боялся, что вы когда-нибудь сильно огорчитесь, если я сделаю то, что

вы приказали». Герцог Бретонский вдруг почувствовал себя очень довольным, он несколько раз обнял сира де Бавалана, говоря ему: «Бавалан, мой дорогой друг, ты был добрым слугой своему господину, ты оказал мне лучшую услугу, какую один человек может оказать другому. Я буду признателен тебе всю жизнь и даю тебе десять тысяч флоринов из моей казны».

Как ни рад был герцог Бретонский, что не совершил столь дурного поступка, ненависть его к коннетаблю ничуть не уменьшилась. Он велел позвать сира де Лаваль и сказал ему: «Ступайте к коннетаблю, скажите ему хорошенько, что он — человек, которого я ненавижу больше всех на свете. Если бы вы не оказались там, он никогда не вышел бы отсюда живым; но, дав мне пищу для размышлений, ваши слова спасли его. Потребуйте у него сто тысяч франков, чтобы он уступил мне город Жюгон и три замка — Блен, Жослен и Ла-Рош-Деррьен. Тогда я его освобожу, хотя, по моему мнению, его освобождение однажды принесет мне великий вред». Сир де Лаваль спустился в башню; он нашел коннетабля, закованного в тройные цепи, в сыром подземелье, покрытого лишь жалким плащом, который бросил ему из жалости один из стерегущих его оруженосцев. Тот ожидал лишь смерти и согласился на выкуп, которого с него требовали. «Брат мой де Лаваль, ступайте, — сказал он, — в мой замок Клиссон, чтобы взять сто тысяч франков, которых желает герцог. — Я не уйду отсюда, пока вы не выйдете, — ответил сир де Лаваль; — герцог слишком жесток, он может раскаяться в мое отсутствие; стоит ему снова быть охваченным какой-либо безумной и неистовой фантазией, и всему конец. Я скажу ему, чтобы он освободил сира де Бомануара для отправки туда».

Герцог согласился на это: «Пусть снимут с них цепи, — сказал он, — и уладьте с ними весь договор, ибо я не желаю их видеть». Их вывели из подземелья, им подали трапезу. Слуги герцога Бретонского выказывали великую радость; ибо они повиновались своему сеньору с великим сожалением [22].

Тем временем весть разнеслась повсюду, что герцог Бретонский предательски задержал и собирается предать смерти коннетабля Франции. Всё его войско, находившееся в Трегье, готовое отплыть в Англию, было возмущено этим вероломством и тем, что экспедиция таким образом сорвана. Адмирал де Вьенн и сир де Куси, которые также собирались отплыть из Онфлёра, были еще более изумлены таким приключением и не хотели в него верить. Сперва они подумывали распустить всех людей оружия: «Отправимся-ка к королю в Париж, — сказал адмирал, — может быть, ему понадобятся наши люди, чтобы послать их против этого герцога. Думаете ли вы, что король Франции должен позволить, чтобы это дело так прошло? Клянусь Богом, нет. Сорвав наше путешествие и таким образом погубив наши приготовления, герцог наносит ему ущерб по меньшей мере в двести тысяч флоринов, не говоря уже об оскорблении, нанесенном его коннетаблю, который, быть может, и не выйдет оттуда живым».

Через несколько дней сир де Бомануар передал четыре крепости людям герцога Бретонского и собрал сто тысяч франков. Коннетабль был освобожден и пробыл в Бретани недолго. Он сел на доброго коня в сопровождении лишь одного пажа и большими переходами прибыл в Париж. Он остановился ненадолго в своем отеле; затем без промедления отправился в Лувр к королю и его двум дядьям, герцогу Бургундскому и герцогу Беррийскому. Его приключение уже было известно; но его не ожидали так скоро. Его сопровождали люди его дома и большая свита. Ему отворили двери королевской опочивальни, как обычно; он вошел и, преклонив колена, обратился к королю: «Всемиловитейший государь, ваш отец, да упокоит Бог его душу, назначил меня коннетаблем Франции. Я исполнял эту должность верно. Не думаю, чтобы кто-либо мог меня в этом упрекнуть. И если кто-либо, кроме вас и монсеньоров ваших дядьев, пожелает сказать, что я плохо с нею справлялся, что я изменил вам и благородной короне Франции, я бросил бы здесь залог поединка». Все хранили молчание, и коннетабль продолжал: «И вот, дорогой государь, мой благородный король, случилось так, что, пока я исполнял мою должность коннетабля, герцог Бретонский задержал меня пленником в своем замке Эрмин и хотел предать меня смерти, без иного повода, кроме своего гнева и своей воли.

По сути, он дошел бы до этого, если бы Бог и мой брат де Лаваль не спасли меня. Для моего освобождения мне пришлось заплатить сто тысяч франков и уступить четыре мои крепости. Благородный король, оскорбление, нанесенное мне герцогом Бретонским, в значительной мере касается вашего королевского величества. Война, которую я и мои сподвижники собирались вести за вас, остановлена. Посему я возвращаю вам должность коннетабля. Отдайте ее тому, кому пожелаете; я же более не могу исполнять ее с честью. — Коннетабль, — сказал король, — мы хорошо знали, что вам причинены ущерб и оскорбление. Это в ущерб нам и нашему королевству; мы без промедления призовем наших пэров Франции и обсудим, что надлежит делать. Не имейте заботы, правосудие вам будет оказано». Он протянул руку коннетаблю и поднял его, добавив: «Мы не хотим, чтобы вы оставляли вашу должность, сохраняйте ее, пока это будет нашей волей». Тогда сир де Клиссон вновь преклонил колено: «Дорогой государь, — сказал он, — обида, нанесенная мне герцогом Бретонским, столь занимает мои мысли, что я не смог бы уделить достаточного внимания для исполнения столь великой должности. Имеешь дело со всякого рода людьми, нужно каждому отвечать, а я чувствую, что не смог бы делать это надлежащим образом. Обеспечьте же, по крайней мере на время, вашу должность коннетабля. Я же остаюсь всегда к вашим услугам. — То, что он предлагает, разумно, — сказал тогда герцог Бургундский, — вы подумаете об этом, монсеньор. — Это правда, — сказал король». Коннетабль затем стал говорить отдельно с герцогами Бургундским и Беррийским, рассказывая им свое приключение в подробностях; ибо именно они управляли всем в королевстве. Но он вскоре заметил, что они не воспринимают дело так живо, как король. Герцог Беррийский имел на то свои причины; он только что заключил тайный договор с герцогом Бретонским, и все его усилия тогда были направлены на то, чтобы получить через его посредство руку дочери герцога Ланкастерского. Короче, вместо того чтобы пожалеть его, они порицали его за неблагоразумие, за то, что покинул свое войско, доверился герцогу Бретонскому, дал завести себя в его замок. «Монсеньор, — говорил коннетабль, — он выказывал мне столь любезные виды, что я не смел отказываться. — Ах, — сказал герцог Бургундский, — именно любезные виды скрывают обманы. Коннетабль, я считал вас более осмотрительным. Ступайте, ступайте, об этом подумают». Сир де Клиссон вернулся в свой отель, весьма опечаленный таким приемом. Однако главные сеньоры парламента и совета поспешили навестить его, уверяя, что всё устроится и что он будет отомщен за обиду, задевающую честь короны. Адмирал Франции, сир де Куси, сир де Сен-Поль советовали ему удалиться в свой замок Монлери и предоставить им вести это дело. «Оно не может на этом остановиться, — говорили они, — пэры Франции распорядятся». Должность коннетабля осталась таким образом вакантной. Говорили, что сир де ла Тремуль вот-вот получит ее. Но он был слишком осмотрителен, чтобы отнимать такую должность у сира Оливье де Клиссона.

В самом деле, все сеньоры и даже народ непрестанно говорили об этом оскорблении, нанесенном герцогом Бретонским. «Король, — говорили, — молод и не понимает последствий. Будь он постарше, он бы сильно этим возмутился». Самые старые добавляли, вспоминая прошлое: что за подобное деяние королевство некогда пришло в великое волнение. «Когда король Наваррский велел убить мессира Карла Испанского, коннетабля Франции, король Иоанн никогда ему этого не простил и лишил его всех его земель в Нормандии. И если бы мудрый король Карл был еще жив, он, так любивший коннетабля, думаете ли вы, не пришел бы к нему на помощь? Клянусь Богом, он начал бы войну с герцогом Бретонским и отнял бы у него его герцогство, чего бы это ему ни стоило». Кроме того, напоминали, что герцог Бретонский всегда предавал короля ради англичан, что он своими маневрами заключил перемирие, которое недавно спасло их армию во Фландрии; что с тех пор он сорвал осаду Бреста; наконец, что он враг королевства [23].

Дядя короля вскоре увидели, что, дабы несколько успокоить все толки, надлежит заняться этим делом и оказать правосудие коннетаблю. Решено было сначала отправить к гер-

погу Бретонскому трех мудрых и почтенных мужей, чтобы выслушать его доводы и побудить его прибыть к королю. Епископ Бове, адмирал Жан де Вьенн и сир де Бёй были выбраны для этого посольства. Они сперва отправились в Монлери для совещания с коннетаблем. Епископ Бове там заболел и умер, весьма оплакиваемый, ибо это был достойный человек, бывший канцлером Франции. Епископ Лангрский был поставлен на его место, и три депутата направились в Бретань. В Нанте им сказали, что герцог в Ванне; они отправились туда. Епископ Лангрский взял слово: «Сир герцог, — сказал он, — мы посланы королем, нашим господином, и монсеньорами его дядьями, дабы сказать вам, сколь они удивлены, что вы воспрепятствовали экспедиции в Англию, задержав пленником коннетабля; более того, вы назначили за него выкуп и лишили его части его наследства. Мы уполномочены королем и монсеньорами его дядьями сказать вам, и мы говорим вам, чтобы вы возвратили мессире Оливье де Клиссону, коннетаблю Франции, города и замки, которые вы у него взяли, а также его деньги. Таково мнение совета короля, и кроме того, чтобы вы прибыли в Париж оправдаться перед ним. Вы приходите к нему родственником, и в нем столько кротости и терпения, что он благосклонно примет ваши извинения. К тому же монсеньор Бургундский и монсеньор Беррийский приложат к тому усилия, и вы останетесь кузеном и другом короля. Говорил ли я согласно вашей мысли, мессир де Вьенн и мессир де Бёй? — Да, — ответили они [24].

Герцог сказал им, что хочет поразмыслить над их требованиями, а тем временем принял их с величайшей учтивостью, как подобало посланцам короля, его господина. Они обедали за его столом; на следующий день он пригласил их и ответил им так: «Мои добрые сеньоры, я не сделал мессире Оливье де Клиссону ничего, в чем бы раскаивался, разве что в том, что отпустил его так дешево и сохранил ему жизнь. Но это из-за его должности, а не из-за его особы, ибо я ненавижу его смертельно. Что касается войны с Англией, я нисколько не думал ей препятствовать. Врагов берут там, где их находят; к тому же, если бы он и умер, дела королевства Французского шли бы не хуже, а лучше, чем по его совету. Посему я сохранию его замки, разве что король прогонит меня оттуда; что до его денег, они послужили мне для уплаты долгов, сделанных из-за дурных дел, которые коннетабль мне причинил».

Депутаты не смогли добиться от него иного ответа. Ненависть, которую он питал к коннетаблю, ослепляла его и лишала всякого рассудка; он всё сожалел, что не велел его умертвить, и бросал вызов всем силам и гневу короля Франции, не думая об опасности, которой себя подвергал. Тем не менее он готовился к войне, и, так как дворянство было против него, он старался снискать любовь и внушить страх добрым городам своего герцогства; в то же время он вел переговоры с англичанами и молодым королем Наваррским.

Такого рода дело занимало королевский совет, когда прибыл вызов от герцога Гелдернского, а вскоре после того — посольство от герцогини Брабантской, умолявшей короля даровать ей помощь и защиту. Каково бы ни было желание герцога Бургундского привести к повиновению герцога Гелдернского, необходимо было прежде уладить разногласия, разделявшие короля и герцога Бретонского. Война с Гелдерном была не так проста, как можно было сперва подумать. Англичане были союзниками этого герцога; германские государства могли принять его сторону: не следовало начинать эту экспедицию, оставляя у себя в тылу силы герцога Бретонского; сеньоры королевского совета не потерпели бы этого. Это хорошо видели герцоги Бургундский и Беррийский; даже начали роптать против них, особенно против герцога Бургундского, говоря, что эта война с Гелдерном касается только его и ему следует идти туда одному, не уводя короля и не оставляя королевство на милость бретонцев [25].

Герцог Бретонский был вызван явиться лично к королю в Орлеан в 1388 году; но он и не думал повиноваться. Герцог Беррийский захотел предпринять еще одну попытку, он послал к нему своего кузена графа Этампского, из французского королевского дома, потомка ветви Эврё, доблестного рыцаря, слывшего искусным переговорщиком; сколько ни прилагал он кротости и терпения, несмотря на уверения в дружбе, которые он передавал ему от имени дядьев

короля, несмотря на обещания, которые он ему давал, крепостей и владений в обмен на владения коннетабля, он не смог привести его к благоразумию; он получил от него лишь хороший прием и богатые дары для короля Франции.

Однако в назначенный день, после того как герцога Бретонского долго прождали, сир де Клиссон преклонил колени перед королем, говоря, что подтверждает всё, что уже говорил: а именно, что герцог поступил с ним как ложный, изменнический и вероломный сеньор, и если кто-либо захочет утверждать обратное, он бросает перчатку и требует поединка; никто не поднял перчатку. Король вернулся в Париж, более чем когда-либо возмущенный против герцога Бретонского и серьезно помышляя отомстить за своего коннетабля.

Война действительно должна была начаться; уже, получив известие, что английская армия находится в море, сир де Клиссон предупредительно захватил Сен-Мало и Сен-Матье, два порта в Бретани. Тогда герцог впервые начал размышлять о том, какую партию ему избрать. Он посоветовался со своими советниками; они сказали ему: «Сир, вам надлежит либо отказаться от вашего замысла, либо решиться потерять многое и разорить всё ваше наследство. Не время рисковать им, когда мадам ваша жена беременна; оставайтесь лучше в мире, коль скоро вам дают к тому средство. Король Наваррский — помощь небольшая, говорят, что герцог Ланкастерский отдает свою дочь за герцога Беррийского; так что вы не можете рассчитывать на Англию. Вот король Франции, который желает теперь отомстить за своего коннетабля и честь своей короны. Он собрал большое войско, чтобы идти против герцога Гелдернского, и, говорят, собирается обратить его целиком против вас. К тому же лучшая часть прелатов, баронов, рыцарей, городов и добрых городов страны — против вас. Итак, мы говорим вам, поскольку вы спрашиваете у нас совета, что настало время или никогда подумать о том, как не потерять ваше наследство, которое стоило вам стольких крови, пота и трудов. Мы хорошо знаем, что вы смертельно ненавидите мессира Оливье де Клиссона и что он вас оскорбил; но, в конце концов, он коннетабль Франции: король, его дядя, бароны королевства поддерживают его против вас. К вам снова отправляют, как говорят, адмирала Франции и сира де ла Ривьера, и, должно быть, дело приняло серьезный оборот, коль скоро сир де Куси, ваш шурин, едет на сей раз с ними. Если вы начнете войну с французами, после всего, что мы сказали, это будет не по нашему совету и не по совету кого-либо, кто вас любит. Что вам делать с этими тремя замками, которые вы отняли у мессира де Клиссона и которые обойдутся вам дороже в охране за три года, чем принесут дохода за двенадцать? Возвратите их по своей доброй воле, мягко и без всякого принуждения; это успокоит умы и вернет вам друзей. Монсеньор герцог Бургундский будет вам за это признателен; вы не хуже нас знаете, сколь он могуществен и какой вред может вам причинить. Он всегда вас любил из-за вашей доброй подруги и кузины мадам де Бургонь, своей жены; у него есть дети, которые являются вашими ближайшими родственниками. Вот с кем надобно сблизиться и родниться, а не с англичанами, которые вам никто и которые всегда думают о своих выгодах, никогда о ваших, как вам небезызвестно; вы часто это испытывали и, будучи воспитаны у них, должны их знать [26].»

Герцог Бретонский, слыша, как его совет говорит столь разумно, не знал, что отвечать и что думать. Он расхаживал по комнате и опирался на окно, глядя во двор. Затем он обернулся к своим советникам: «Я хорошо вижу, — сказал он, — что вы даете мне добрые советы, и я в них нуждаюсь; но как поставить дружбу на место ненависти? как смогу я полюбить Оливье де Клиссона, который оскорблял меня столько раз? Ах! зачем я не велел его убить, когда он был в моих руках!»

« — Э! если бы он и был убит, — сказали советники, — продвинулись ли бы вы от этого дальше, Монсеньор, и могли ли бы вы лучше удержать его замки и наследство? Мы подведомственны Парижскому парламенту; после его смерти Жан де Блуа и виконт де Роган, его зятя и наследники, обратились бы в палату этого парламента, чтобы истребовать его наследство, и у вас был бы тот же процесс, что и сегодня. Вы его проиграете, ибо у вас нет никого, кто

бы отвечал на жалобы, по которым мессир Оливье де Клиссон привлек вас к суду во дворец в Париже. Всё это заставляет дурно говорить о вас во Франции. Гораздо лучше, до исхода процесса, возвратить замки, не дожидаясь приговора. Вы избежите таким образом всей народной молвы, столь опасной для чести; вы заключите мир с теми, кто должен быть вашими друзьями, с королем Франции, вашим верховным и природным господином, с герцогом Бургундским, вашим родичем. Посмотрите, как ваш кузен-герман, граф Фландрский, хорошо себя чувствовал, заручившись их доброй волей: без короля, его дядьев и дворян королевства Франции он был бы навсегда изгнан из своего наследства.»

« — Хорошо, — сказал герцог Бретонский, — я хочу последовать вашему совету и сделаю так, как вы мне посоветовали». И действительно, он снял секвестр с замков коннетабля. Но это было еще не всё; королевский совет желал, чтобы деньги были возвращены; нужно было, чтобы герцог явился лично пред очи пэров Франции, оправдался и подчинился их суду. Именно этого должны были добиться от него сир де Куси и прочие депутаты: герцоги Бургундский и Беррийский особенно наказывали им говорить с ним мягко и ни в чем не настаивать. Они обещали сами выехать к нему навстречу до самого Блуа, чтобы воздать ему почести.

Никто не был лучше выбран для этого поручения, чем сир де Куси. Помимо того, что он был шурином герцога и его большим другом, это был сеньор, самый исполненный обаяния и убедительности во всем христианском мире; повсюду, где он бывал, во Франции, Англии, Германии, Ломбардии, никто не умел так нравиться, как он; это было у него в природе, и, кроме того, он повидал много стран, много людей и много дел. Герцог увидел его с великой радостью, взял за руку: «Ах, мой дорогой брат, — сказал он, — как я рад видеть вас в Бретани; вы любите охоту; прежде чем вы уедете, я устрою вам прекрасную охоту с гончими и с ловчими птицами». Сир де Куси и не думал говорить с ним о чем-либо, и вел с ним лишь праздные беседы в качестве времяпрепровождения, как подобает между знатными сеньорами, давно не видевшими друг друга. Затем мало-помалу, своими непринужденными и любезными манерами, своими мягкими и приятными речами, он сломил всю оставшуюся в нем злость; прочие тоже говорили весьма хорошо; но такой князь, как сир де Куси, лучше умел убедить другого князя.

Короче, герцог Бретонский отправился в Блуа. Герцог Беррийский прибыл туда, а вскоре после того туда же прибыл герцог Бургундский с великой пышностью, вместе с Гийомом де Эно, своим зятем, и Жаном, графом Неверским, своим старшим сыном. Герцог Бретонский не замедлил явиться. Свита у него была небольшая, он взял с собой почти только свой дом, что составляло около трехсот коней. Намерением его не было ехать в Париж: он хотел лишь повидать дядьев короля, а затем вернуться к себе. Когда они убеждали его довершить столь хорошо начатое и приехать в Париж, он отказывался и отговаривался слабым здоровьем; но ему предлагали носилки или повозку; затем — малочисленностью своего снаряжения; но ему отвечали, что это даже лучше, когда он [27] отправляется навестить своего верховного сеньора. Тогда герцог Бретонский говорил: «Но я встречу там мессира Оливье де Клиссона, который будет держать ко мне пылкие и неприятные речи, и вы видите, какие беды могут из этого последовать. — Нет, — отвечал герцог Бургундский, — не бойтесь этого, мой дорогой кузен; мы торжественно клянемся вам, что вы не увидите, если сами того не пожелаете, ни коннетабля, ни Жана де Блуа; вы увидите лишь короля, который окажет вам великий прием, равно как и бароны и рыцари Франции». На этих заверениях герцог Бретонский согласился приехать в Париж. Он совершил свой торжественный въезд 23 июня 1388 года в сопровождении блестящей свиты рыцарей, между графом де Эно и графом Неверским. Он проследовал по улице Арп и мосту Сен-Мишель, посреди толпы народа, который последнее время только и слышал речи об этом герцоге Бретонском, столько раз посылали за ним, а он не хотел ехать. Он спешил у ворот Лувра и нашел там первых сеньоров королевства, ожидавших его: сира де Куси, графа Савойского, мессира Жана де Вьенна, мессира де ла Тремуиля, графа де Мо, мессира Жана де Руа и других. Он вошел к королю; все расступились по обе стороны; он преклонил

колени, переступив порог, поднялся, преклонил колени вторично, затем, наконец, опустился на оба колена, приветствуя короля и обнажив голову: «Монсеньор, — сказал он, — я приехал повидать вас, да хранит вас Бог. — Великое спасибо, — сказал король; — мы очень желали вас видеть; у нас будет досуг поговорить вместе». Тогда он поднял его, и герцог приветствовал всех князей и сеньоров, которые там были. Королевские обер-гофмейстеры поднесли ему рукой и полотенце, к которым он прикоснулся кончиками пальцев; мгновение спустя он откланялся королю и был с великой церемонией препровожден в свой отель [28]. Впоследствии он несколько раз виделся с королем и его дядьями и был принят самым любезным и самым публичным образом. Многие люди этому удивлялись. Коннетабль был очень недоволен таким обхождением с ним [29] и охотно прибегнул бы к насильственным действиям; он хотел попытаться, поднимет ли герцог залог поединка, который он бросил. Дядья короля прилагали все старания, чтобы успокоить его; это было нелегко. Наконец, он согласился положиться на то, что рассудит королевский совет. Но гнев его вспыхнул вновь, когда он узнал, что король, по просьбе своих дядьев, простил герцогу все оскорбление и все покушение; так что речь шла уже лишь о гражданском процессе между ним и этим князем. Однако он предстал перед королем в его совете и подал жалобу, припомнив все бесчинства герцога и бесчестящий образ его действий. Люди герцога Бретонского, выступавшие от его имени, оправдывали его как могли. Выслушав таким образом стороны, дело было отложено, и канцлер сказал, что король учинит правосудие, кому оно надлежит; состоялось еще множество совещаний совета; дело тянулось долго, как часто случалось с делами в те времена; наконец приговор был произнесен канцлером. Он приговаривал герцога Бретонского возвратить упомянутому коннетаблю де Клиссону город Жюгон и замки Жослен, Блен и Ла-Рош-Деррьерен со всеми драгоценностями, сокровищами и мебелью, которые там находились, и сверх того сто тысяч франков в возмещение убытков. Таким образом был заключен между герцогом и коннетаблем мир, который едва ли мог продлиться долго.

Тогда стало возможным предпринять войну против Гелдерна. Сир Гийом де ла Тремуиль и бургундские рыцари уже выказали там свою доблесть и дали почувствовать свое присутствие. Они захватили врасплох город Асселен, который разграбили их слуги; затем они поместили гарнизон в трех замках на берегу Мааса, которые атаковал герцог Гелдернский и которые были первопричиной его войны с герцогиней Брабантской. Но брабантцы были постыдно обращены в бегство в битве, где их было по меньшей мере шестеро против одного. Этот славный ратный подвиг немало увеличил гордость и самонадеянность герцога Гелдернского. Герцогиня Брабантская отправляла послание за посланием к своему племяннику герцогу Бургундскому, торопя с помощью из Франции; но хотя это дело и касалось ее, она не проявляла большего нетерпения, чем сам король Франции. Вызов герцога Гелдернского сильно оскорбил его; к тому же он ничего так не желал, как снискать себе славу на войне. Он находился в Монтеро, он привез с собой герцога Бретонского, которому очень не терпелось вернуться домой и который со дня на день ожидал окончательного решения своего дела. В то же время по всему королевству были разсланы приказы собрать людей оружия; ибо собирали поистине королевскую армию, почти столь же многочисленную, как та, с которой хотели идти на Англию. Делали также огромные запасы, и были наложены новые тальи [30]. Во главе всего этого дела стоял герцог Бургундский; если это стоило денег королевству, то его собственные владения не были более пощажены. Он заставил дать себе сто тысяч франков от городов Фландрии. Что касается Бургундии, Герцог ограничился тем, что заставил уступить себе вспомоществования и тальи, налагавшиеся там королевским советом [31].

Однако все разумные люди королевства и даже королевского совета полагали, что нет ничего бесполезнее, чем столько шума и расходов; достаточно было бы, говорили, послать против этого мелкого князя шесть-семь тысяч копий под началом одного из дядьев короля или коннетабля.

Герцог Бургундский хорошо видел, что это мнение разумно, и хотел бы помешать королю лично участвовать в войне с Гелдерном. Он мягко попытался убедить короля отказаться от этого. Но юный князь так распалился этой войной, что ответил своему дяде: «Если вы поедете без меня, это будет против моего удовольствия, и я не дам вам денег; это единственное мое средство вас принудить [32]». Королю в ту пору был двадцать один год, и он начинал иметь свою волю. Его дядья имели много врагов, даже в совете. Их поведение по отношению к коннетаблю особенно восстановило умы против них. Им надлежало поэтому не перечить королю, а угождать ему.

Какова бы ни была нетерпеливость и поспешность, с какими велось это предприятие, надлежало принять одну необходимую предосторожность. Герцогство Гелдернское было частью Германской империи; король Франции был обязан договорами, скрепленными клятвой перед папой, никогда не вступать с оружием на земли, подвластные сюзеренитету императора; посему было решено, что следует отправить посольство к императору, дабы изъяснить ему причины этого нападения и оскорбление, нанесенное королю герцогом Гелдернским. Сир Ги де Онкур и мэтр Ив д'Ориан из Парижского парламента были уполномочены для этого поручения [33]. В ожидании ответа, тем не менее, тронулись в путь. Было две дороги: одна через Брабант, более легкая, где армия должна была найти больше средств пропитания; другая — через французские провинции и Шампань, а затем нужно было с большим трудом пересекать обширный Арденнский лес. Король написал герцогине Брабантской, испрашивая у нее пропуска. Она охотно бы согласилась; но добрые города Брабанта и рыцари этой страны, думая о всех опустошениях, которые учинят французы, решительно отказали; они сказали, что запрутся в своих городах и замках и будут обращаться с королевской армией как с вражеской. Герцогиня посоветовала им отправить депутатов к королю, чтобы передать этот ответ; она не желала, чтобы такой отказ мог быть приписан ей. Герцог Бургундский оказал покровительство посланцам Брабанта и способствовал выбору другого пути. Таким образом, пришлось выслать вперед две тысячи пятьсот рабочих, чтобы валить деревья, вырубать кустарник и изгороди в Арденнской области, дабы проложить путь этой великой армии и всем ее обозам, в коих насчитывали двенадцать тысяч повозок, не считая вьючного скота.

Это решение — шадить Брабант, рискуя остаться без продовольствия и заставляя армию много страдать, — усилило ропот против герцога Бургундского. Ему больше, чем когда-либо, ставили в упрек, что он думает лишь о выгоде своих собственных владений; ибо Брабант должен был достаться ему. Понадобился весь его авторитет и его искусство хорошо говорить, чтобы ему удалось одержать верх в королевском совете; при дворе начинали с каждым днем уставать от его непререкаемой власти [34]. Дабы несколько пощадить провинции своего королевства, которые так много претерпели, король приказал, чтобы люди оружия ничего не брали без оплаты; так как им не выплачивали жалованье, они не соблюдали этого повеления, и страна много страдала. В Шалоне король получил ответ от императора Германии. Он весьма хорошо принял двух посланцев и удовольствовался тем, что сказал им: «Я удивляюсь, что мой кузен, король Франции, поднял столько людей и сделал столь большие расходы. Ему стоило лишь обратиться ко мне. Я бы и без таких приготовлений привел этого герцога Гелдернского к благоразумию. — Государь, — ответили посланцы, — король, наш господин, никогда не смотрит на расходы, когда дело касается его чести. — В таком случае, — сказал император, — он может действовать по своей воле, а я и не думаю этим тревожиться [35]».

Армия продолжила свой путь, перешла Маас в Музоне, вступила в герцогство Юлихское и начала его опустошать. Герцог Юлихский, однако, не был ни причастен к поведению своего сына; напротив, он употреблял всю свою власть, чтобы смирить его гордыню. Это и пришел представить королю и его дядьям епископ Льежский, умоляя пощадить эту несчастную страну. Королевский совет решил, что нужно, чтобы герцог Юлихский сам явился с извинениями. Он действительно прибыл, представленный герцогом Лотарингским и своим братом архиеписко-

пом Кёльнским; весьма смиренно, на коленях, он заверил короля, что прилагал усилия воспротивиться безумству своего сына, но тщетно, ибо герцог Гелдернский поступает лишь по своему разумению; что, однако, он просит дозволения отправиться к нему, дабы снова попытаться сделать его более благоразумным. Он предлагал, если не сможет в этом преуспеть, открыть свои собственные города и замки для королевской армии, дабы занять их гарнизонами [36]. Король поднял его и, взглянув на своего брата, дядьев и людей своего совета, которые там находились, ответил, что обсудит это. Герцог Бургундский, которого это дело касалось более чем кого-либо, как наследник Брабанта, и ради которого король и армия туда пришли, найдя его предложения разумными, одобрил их. Всё было улажено. Герцогу Юлихскому был оказан великий прием; он принес верность и оммаж за сеньорию Вьерзон, которую ему возвратили, и вновь стал человеком короля. Затем он отправился в Неймеген к своему сыну; сперва он застал его столь же самонадеянным и не желающим слушать никаких доводов. Герцог Гелдернский рассчитывал на помощь короля Англии. Когда отец его и архиепископ Кёльнский представляли ему, что англичане всецело заняты своими внутренними раздорами, что экспедиция в Испанию и война в Шотландии разорили их армию и финансы, он отговаривался союзами, которые поклялся соблюдать: «Вы хотите меня обесчестить, — говорил он; — я не могу теперь стать другом короля Франции, которого я вызвал, и врагом короля Англии, который имеет мое слово и мою печать. Оставьте меня следовать моему замыслу. Я мало пекусь об угрозах французов. Воды, дожди, холод будут сражаться за меня; а наступит январь, от них здесь мало останется. Немцы из-за Рейна уже собрались отрядами. Это самые свирепые грабители в мире; они следуют за французской армией и держатся рядом, словно тучи хищных птиц; они захватывают фуражиров, отстающих; как только какой-нибудь рыцарь хочет отойти в сторону и рискнуть, его тотчас берут в плен или убивают. Чем больше французов, тем меньше они найдут, чем прокормиться. Если останутся вместе — умрут с голоду; если разделятся — наши люди с ними легко справятся [37]». Герцог Юлихский не мог поколебать его никакими доводами, какие приводил; целых шесть дней отец говорил с ним так напрасно. Герцогиня Юлихская, его мать, также пришла умолять его. Его дядя, архиепископ Кёльнский, человек великой мудрости, был не более услышан. Наконец, герцог Юлихский разгневался на такое упрямство и серьезно угрожал лишить его наследства. Тогда герцог Гелдернский сказал ему: «Мой долг — повиноваться вам, и я согласен, ради любви к вам, выслушать предложения; но сохраните мою честь».

И вот что было условлено: а именно, что он дезавуирует свое письмо с вызовом, сказав, что он доверил свою печать рыцарям, уполномоченным вести переговоры о его союзе с королем Англии, и что это они без его ведома написали письмо; что, впрочем, он не расторгнет свой союз, но обязуется под присягой никогда не воевать с королем Франции, не предупредив его за год вперед.

Король и его дядя удовлетвоались этим соглашением, тем охотнее, что то, что герцог Гелдернский думал об их войске, было не совсем лишено истины, и оно начинало сильно страдать. Герцог Юлихский привел своего сына в лагерь короля, тот извинился в предписанных выражениях и принес клятву на коленях; затем он был очень хорошо принят королем и ужинал за его столом. Он попросил, чтобы ему возвратили пленных, взятых у него, и это было дозволено. Но когда король попросил также и своих пленных, а среди них были важные, как, например, сир де Бусико и сир де Жиак, сын канцлера, герцог Гелдернский ответил: «Государь, я лишь бедный человек, и когда я захотел защищаться против вас, я помог себе, как мог лучше, рыцарями из-за Рейна, обещав им оставить всю прибыль, какую они смогут получить на этой войне. Я не могу отнять у них их пленников, ни лишить их выкупа. Они пошли бы войной на меня самого [38]». Король хорошо видел, что большего ему не добиться. Он подумал, что такому великому князю, как он, подобает не входить в такие подробности и позволить бедным людям хорошо устроить свои дела [39]. Герцог Бургундский способствовал тому, чтобы сделать все эти переговоры легкими. Он оплатил из своих средств выкуп сира де Жиака, своего

камергера, и некоторых других рыцарей. Он также возместил герцогу Юлихскому часть убытков, причиненных в его землях.

Был конец октября, король вновь направился во Францию. Стояла дурная погода, дороги были непроходимы. Обозы увязали в грязи или терялись в разлившихся реках. Герцог Бургундский, желая утишить некое возмущение в своем городе Вердене, еще замедлил марш, направившись туда. Переправа через Маас была трудной, много людей утонуло. Все роптали на Герцога, и эти бедствия ставили ему в вину. Мало-помалу те из королевского совета, кто был против его дядьев, успешно восстанавливали его против них. Особенно герцог Туренский, брат короля, старался дать ему знать мнение столь многих верных служителей и убедить его, что герцоги Бургундский и Беррийский всегда действуют в свою пользу или в пользу своих приверженцев, никогда — для общего блага. Король прибыл в Реймс накануне Дня всех святых; отпраздновав этот день и назавтра День поминовения усопших, он собрал большой совет в зале архиепископства, где он остановился. Его дядья, его брат, его кузены, главные прелаты и сеньоры находились там. Канцлер изложил сперва, что король повелел поставить на обсуждение: подобает ли, чтобы отныне он управлял своим королевством самолично. Затем, обратившись к Пьеру Аселену де Монтегю, кардиналу Ланскому, он попросил его высказать свое мнение. Кардинал хотел сперва отказать говорить первым, но по прямому приказу короля показал, что король достиг подходящего возраста, что он теперь хорошо знает положение и нужды своего королевства, и заявил, что дабы предотвратить последствия ненависти, которую сеньоры питают друг к другу во вред общему благу, он полагает, что король один должен иметь управление своим королевством и не находиться более ни под чьим управлением. При этом он указал, не называя их, на дядьев короля, и особенно на герцога Бургундского. Архиепископ Реймский и военачальники также были этого мнения; обсуждение таким образом завершилось; король, взяв слово, любезно поблагодарил своих дядьев за заботу, какую они брали на себя о его особе, и за труды, кои они понесли по делам королевства, прося их сохранять к нему всегда свое расположение. Они были весьма удивлены и не ожидали столь внезапной перемены. Они откланялись королю, потребовав больших возмещений и наград. Герцог Беррийский отправился в свое наместничество в Лангедок, а герцог Бургундский — в свои владения, заботы о которых вполне могли его занять; он от этого не был более доволен, что теряет таким образом власть и управление королевством. Его слуги были еще более огорчены, ибо они находили в этом свою выгоду, и именно они получали все должности и милости; впрочем, дело показалось всем добрым и разумным [40].

Король был приятен своей особой, кроток и благосклонен; его лицо, его учтивые и не гордые манеры нравились всем. Нельзя было увидеть его, не почувствовав к нему расположения, столько было в его облике грации и доброты. Народ испытывал к нему нежность и с удовольствием смотрел, как он проезжает по улицам. Говорили, что у него много смысла и прямоты. Старинные друзья и служители короля Карла V тогда снова взяли верх. Коннетабль, сир де Куси и сир де ла Ривьер начали иметь большую долю в управлении; Жан Ле Мерсье, сир де Новиан, великий друг короля, сир де Монтегю, сир де Вилен также имели большой кредит. Все они входили в совет из двенадцати лиц, который тогда был поставлен во главе дел [41]. Герцог Бурбонский, которого все уважали, сохранил доверие короля.

Народ был особенно рад этой перемене. Налоги были уменьшены. Было упразднено множество пенсий и бесполезных должностей, которые даровали дядья короля. Добрый город Париж вернул себе часть своих вольностей. Ему возвратили купеческого прево, но сделали его королевским чиновником, а не коммунальным, как в прежние времена.

Вскоре после того кардинал Ланский, который первым высказал свое мнение в Реймском совете, скоропостижно скончался. Он настоятельно просил перед смертью, чтобы никакого расследования или наказания не назначали по поводу его смерти. Однако его тело было вскрыто, и ясно увидели, что он был отравлен.

Герцог вернулся в Бургундию и занялся приведением своих дел в порядок. Он был все более и более обременен долгами. Ничто не могло удовлетворить его великолепию и расходы. Он собрал Штаты в Дижоне и добился от них субсидии в 25 000 ливров, из коих 1 000 ливров была даже прямо делегирована кредиторам, поставившим его дом. Сборщик налога должен был, для большей верности, платить им непосредственно.

В то же время Герцог был поражен состоянием нечистоты, в котором пребывал его добрый город Дижон; невозможно было в зимнее и дождливое время проходить по нему пешком или проезжать верхом без больших затруднений; он повелел, по обсуждению его советом и людьми его счетов, после заслушания церковных лиц, мэра и эшевендов означенного города, вымостить его. Жители должны были чистить и выравнивать улицу перед своим домом, и комиссары могли даже облагать богатых повинностью за бедных. Эти комиссары назначались из мэра и эшевендов для горожан, а духовенство назначало своих. Мощение производилось за счет герцогства, и с первого же года Герцог выделил на это две тысячи золотых франков. Работы продолжались шесть лет [42].

Ему также пришлось предпринять войну против архиепископа Безансонского, который утверждал, что хартия императора Фридриха I дает ему право чеканить монету. Герцог приказал секвестровать церковное имущество архиепископа, хотя этот прелат и утверждал, что его церковное имущество является прямым владением Империи. Папа, дабы уладить это разногласие, назначил архиепископа кардиналом и призвал его к себе [43].

Но хотя Герцог уже не принимал столь большого участия в управлении королевством, король, его племянник, не имел намерения удалять его от своей особы, и он вскоре вернулся во Францию. Его призывали туда уже не для дел, а чтобы почтить своим присутствием и украсить своим великолепием непрерывные празднества, которые давал король. Никогда еще князь не имел такой пылкости, такой великой деятельности для пышных церемоний, турниров, всевозможных увеселений.

Также и надежды, которые народ возлагал на некоторое облегчение, длились недолго. Расходы производились не теми же людьми, но от этого они не уменьшились. Король был весьма щедр и расточителен. Где его отец дал бы сто экю, он давал тысячу [44]. Финансы нисколько не служили благу общего дела, а уходили целиком в частные кошельки. Счетная палата сколько ни представляла возражения против этих чрезмерных злоупотреблений, дела шли своим чередом. Вскоре не замедлили увеличить габель на соль и изменить монеты, дабы извлечь из этого выгоду. Сир де Новиан, управлявший финансами, придумал, дабы лучше сохранить королевскую казну, хранить ее не в монете, а в слитках, как делал король Карл V. Он даже предпринял отлить из нее статую оленя. Это было тело эмблемы короля, и, без сомнения, полагали этим приохотить его не тратить это золото. Успели отлить только голову оленя; дальше идти не смогли [45].

Первый большой праздник был дан для посвящения в рыцари короля Сицилийского и герцога Мэнского, сыновей герцога Анжуйского, погибшего несколькими годами ранее в своей итальянской экспедиции, и вдова которого нашла убежище при короле. В Сен-Дени он торжественно отпраздновал эту церемонию. Он сам дал удар мечом плашмя своим юным кузенам. Всё было тщательно соблюдено, как предписывали обычай и правила рыцарства. В течение трех последующих дней проходили большие турниры. В первый день рыцари сражались на копьях, и король был принимающим сторону; он носил эмблему золотого солнца; его свиту составляли принцы его крови и все главные сеньоры королевства. Каждого рыцаря подводила ко входу на ристалище великолепно разодетая дама, ведшая его коня за золотую ленту, а сама восседавшая на иноходце. Когда въезжали на ристалище, дама сходила, целовала рыцаря, увещевала его вести себя доблестно, затем поднималась на помосты, которые были возведены и покрыты коврами.

На второй день принимающим сторону в турнире был герцог Неверский, старший сын герцога Бургундского. Он носил серебряное солнце и также выступил с большим блеском. Это был день оруженосцев.

На третий день ристалище было открыто для всех желающих, а вечером состоялась большая маскарадная процессия, где, говорят, произошло множество любовных приключений, весьма предосудительных и ставших причиной множества ненависти и мщений [46].

Сразу после этого празднества король велел отслужить другую церемонию в Сен-Дени. Дабы почтить память мессира Дюгеклена, коннетабля Франции, ему отслужили великую заупокойную службу. Его старый соратник, сир де Клиссон, возглавлял траурную процессию, облаченный во все черное, в сопровождении двух маршалов Франции, Оливье Дюгеклена, брата покойного, и нескольких других рыцарей. Епископ Осеррский, который служил мессу, вышел вместе с королем ко входу в хор. Там герцог Бургундский, герцоги Бурбонский, Лотарингский и Барский, сир де Клиссон, де Лаваль и д'Альбре преподнесли двух боевых коней и двух турнирных коней. Епископ возложил на них руку, затем сир де Бомануар и де Лонгвиль и еще шестеро принесли щиты. Герцог Туренский, брат короля, граф Неверский, принц Наваррский и Анри де Бар шествовали следом, неся острием вверх мечи коннетабля. Другие рыцари держали шлемы, иные — знамена с его гербами. Все эти приношения были выставлены перед алтарем; тогда прелат взошел на кафедру и произнес похвальное слово этому доброму коннетаблю [47]. Когда он дошел до слов: «Плачьте, люди оружия, сир Бертран скончался, который так вас любил и который в свое время совершил столь славные подвиги. Да помилует Бог его душу, ибо ни у кого не было души столь доброй» [48]; тогда князья и рыцари залились слезами. Для всех было великим удовлетворением то, что король воздал почести столь благородному и столь доблестному рыцарю.

Вскоре после того в Мелене с великой пышностью отпраздновали свадьбу герцога Туренского с мадам Валентиной, дочерью Галеаццо Висконти, сеньора Миланского.

Но самым великолепным празднеством стал въезд королевы в Париж. За четыре года, прошедшие с ее замужества, она уже не раз бывала там. Король пожелал, чтобы наконец ее приняли с великой торжественностью, и никогда до сего дня не видывали ничего прекраснее этой церемонии.

Королева выехала из Сен-Дени в носилках в сопровождении герцогини Бургундской, герцогини Беррийской, герцогини Барской, графини Неверской, дамы де Куси, каждая в своих носилках, и герцогини Туренской, восседавшей на прекрасном иноходце. Перед носилками верхом ехали герцог Туренский и герцог Бурбонский; по бокам — герцог Бургундский и герцог Беррийский; позади — граф Остренантский и сир Анри Наваррский. Каждые носилки дам, следовавших за королевой, также сопровождали рыцари. Сир Анри де Бар и сир Гийом де Намюр находились подле герцогини Бургундской. При выезде из Сен-Дени дорога была окаймлена тысячей двумястами парижских горожан верхом, облаченных в красные и зеленые одежды. После того как кортеж пересек толпу, теснившуюся на пути, он прибыл к воротам Сен-Дени; там устроили небо и облака, наполненные маленькими детьми, изображавшими ангелов; среди них Богоматерь, державшая на руках младенца Иисуса, который забавлялся ветряной мельницей из полого ореха. Золотое солнце, несущее гербы Франции и Баварии, сияло в этом небе, и ангелы мелодично пели.

На улице Сен-Дени устроили фонтан под балдахином лазурного цвета с лилиями, колонны которого несли гербы благороднейших сеньоров Франции. Фонтан окружали прекрасные юные девы, разодетые, в красивых шляпах из золотой парчи. Они пели и предлагали в чашах из червленого серебра ипокрас и сладкие ликеры, струившиеся из фонтана.

Далее, перед монастырем Святой Троицы, возвышался большой помост, на котором была представлена крепость. Рядом можно было видеть короля Саладина и его сарацинов; а с другой стороны — короля Ричарда Львиное Сердце с его рыцарями, несущими свои щиты, такими,

какими они были в крестовом походе. Король Франции был изображен там на своем троне в окружении двенадцати пэров своего королевства, каждый со своим гербом. Король Ричард приблизился к нему почтительно, испросил дозволения сразиться с королем Саладином; и тогда можно было увидеть представление прекрасной битвы.

У вторых ворот Сен-Дени, которые много позже были снесены по приказу Франциска I, находилось еще одно небо, еще богаче первого, с Отцом, Сыном и Святым Духом. Дети хора, облаченные в ангелов, пели, и внезапно, когда проезжала королева, двое из них спустились вниз с помощью механизма и возложили ей на голову золотую корону, распевая:

Благородная дама лилий,
Будьте королевой рая,
Франции, этой прекрасной страны.
Мы возвращаемся в рай.

Вся улица Сен-Дени была покрыта и задрапирована сукнами из камлота, шелковыми тканями и прекрасными коврами, изображавшими персонажей разных историй.

В Шатле устроили парк с насаженными деревьями, где резвились зайцы, кролики и птицы; в этом парке находился замок с башнями, каждый зубец которого охранял человек оружия. На террасе было королевское судилище, где восседала мадам Святая Анна. Тогда из леса вышел большой белый олень, который двигал головой и вращал глазами; это было для напоминания о девизе короля. Орел и лев выступили вперед, чтобы напасть на оленя, но он взял меч правосудия с судилища, дабы защищаться, и двенадцать юных дев, с мечами в руках, также пришли его охранять. Механизмы всех этих зверей были, по словам всех, сделаны весьма искусно.

Большой мост Богоматери был покрыт и задрапирован еще великолепно, чем улица Сен-Дени. Когда королева была на середине, некий генуэзец, весьма ловкий человек, внезапно спустился с вершин башен Собора Парижской Богоматери, порхая по натянутой веревке и неся два зажженных факела. Наконец кортеж прибыл в церковь Богоматери. Епископ Парижский со всем своим клиром вышел встречать королеву; герцоги Бургундский, Беррийский, Туренский и Бурбонский помогли ей сойти с носилок. Они же и увенчали ее короной, и после того, как она принесла великолепные дары церкви, ее проводили обратно во дворец при свете более пятисот факелов.

Утром этой церемонии король сказал сиру де Савуази, своему камергеру: «Прошу тебя, возьми доброго коня, я сяду позади тебя. Мы оденемся так, чтобы нас не узнали, и отправимся смотреть прибытие моей жены». Савуази ни за что не хотел этого делать, но король так настойчиво желал, что пришлось уступить. Итак, он отправился сквозь толпу и получил от приставов добрых ударов жезлом за то, что хотел приблизиться к кортежу слишком близко. Вечером он забавно рассказывал об этом королеве и дамам.

На следующий день во дворце на мраморном столе был устроен роскошный пир. Король был в королевских одеждах, в своей алой мантии, подбитой горностаем, и с короной на голове. Королева также была в великолепном убранстве. За их столом восседали епископы Нуайонский и Лангрский, архиепископ Руанский, король Армянский [49], который тогда находился во Франции, герцогини Бургундская, Беррийская и Туренская, графиня Неверская, мадемуазель де Бар, мадам де Куси, мадемуазель д'Аркур и мадам де ла Тремуиль. Толпа народа, взиравшая на этот пир, была столь велика, что от духоты королева и мадам де Куси лишились чувств.

Для интермедии на дворе дворца устроили замок, изображавший город Трюю. Его защищали царь Приам, его сын Гектор и троянские князья в полном вооружении, несущие свои гербы на знаменах; а атаковали греческие цари, чьи гербы также были изображены. Вечером состоялся большой бал в отеле Сен-Поль, где король обычно проживал. На следующий день город Париж поднес великолепные дары королеве и герцогине Туренской. Празднества завершились турниром, где король выступил во главе тридцати рыцарей, первых в королевстве,

которых он избрал рыцарями Золотого Солнца. Он сам появился на ристалище и завоевал приз турнира [50].

Перемирие на три года только что было заключено с англичанами; у короля было свободное время; он любил движение и новизну и легко дал себя убедить тем из своего совета, особенно сиру де ла Ривьеру, который прибыл из Лангедока, посетить эту провинцию и часть своего королевства. Становилось настоятельно необходимо положить конец ужасным вымогательствам герцога Беррийского. Жалобы поступали отовсюду. Один монах ордена Святого Бернарда мужественно явился из Тулузы рассказать королевскому совету, как обстоят дела вдали от его глаз. Говорили, что более сорока тысяч семейств уже покинули страну, чтобы поселиться в Арагоне или в королевстве Прованс [51]. Папа Авиньонский уже давно очень желал увидеть короля и обсудить средства подчинить весь христианский мир единому понтифику. Наконец, королю хотелось познакомиться со знаменитым графом де Фуа, который слыл князем самым мудрым, самым учтивым, самым богатым, одновременно самым бережливым и самым великолепным в свое время. Уже достигнув старости, он всегда предлагался в образец князьям и рыцарям, столь умело он заставлял себя бояться и уважать [52]. Он также был большим другом ученых людей и особенно тех, кто сочинял романы, песни и стихи. После управления своим государством, в чем он был самым искусным и упорядоченным из всех сеньоров, его любимым занятием была охота, а по вечерам — беседа с клириками, рассказы обо всех новостях христианского мира и чтение книг. Он и сам сочинял. Недавно он послал герцогу Бургундскому прекрасный Трактат об охоте, украшенный рисунками и переписанный самым красивым почерком [53].

Король решил одновременно направить свой путь через Бургундию и посетить в Дижоне Герцога, своего дядю. Это был великий повод для праздника и великолепия. Герцог был не из тех, кто станет им пренебрегать. Он немедленно начал приготовления. Ограда монахов Святого Этьена была приспособлена для турниров. Стены ее снесли, деревья вырубил, уплатив монастырю пятьсот франков за ущерб; там возвели помосты и трибуны вокруг ристалища. Герцог закупил огромное количество красного и белого бархата и атласа, чтобы одеть всех своих рыцарей, и золотой и серебряной парчи для мантий дам. Король выехал из Парижа около дня Святого Михаила 1389 года. Герцог выехал ему навстречу до самого Шатийон-сюр-Сен со своим сыном графом Неверским и всей свитой. Король совершил свой въезд в Дижон 7 февраля 1390 года. Герцог Туренский, герцог Бурбонский, сеньор де Куси были участниками этого торжественного путешествия. Герцог и герцогиня поднесли им всем, равно как и королю, роскошные дары: коней, драгоценности, ювелирные изделия и драгоценные камни. Пребывание в Дижоне продлилось более недели; все это время были только танцы, пиры, концерты, турниры и увеселения всякого рода. Рыцари из всех владений Бургундии, Савойи и соседних стран прибыли принять участие в этих празднествах [54]; дамы и девицы старались понравиться юному королю, его брату герцогу Туренскому, который был самым любезным князем, и сиру де Куси, образцу всего рыцарства [55].

Король затем направился в Лион, чтобы отправиться в Авиньон; однако сперва он разместился в Вильнёве, на другом берегу Роны, на земле Франции. Вскоре прибыл герцог Бургундский, поспешивший последовать за своим племянником и севший на корабль в Лионе на Роне. Что до герцога Беррийского, он уже прибыл. Визит к папе был торжественным. Он принял с великой дружбой короля и его дядьев; у него были на то веские причины, ибо Франция была единственным из великих королевств христианского мира, поддерживавшим Авиньонского папу. Сверх индульгенций, он даровал королю, принцам и даже сиру де Куси право назначения на многие бенефиции; это было не совсем по вкусу духовенству и не соответствовало его правам; напротив, это была милость для бедных студентов, которые стали учеными и искусными и могли надеяться быть избранными королем. Тотчас же нашелся пример влияния, какое ученые люди имели при совете. Ферри Кассинель, доктор Парижского университета и

незадолго до того епископ Осеррский, был назначен архиепископом Реймским. Его славнейшим титулом к славе был великий спор, который он только что выдержал против доминиканцев. Он добился от папы осуждения одного из их докторов за то, что тот утверждал, будто Пресвятая Дева родилась с первородным грехом. Раздоры по этому поводу были столь остры, что Университет запретил доминиканцам преподавание.

Юный король Сицилийский также находился в Авиньоне со своей матерью; папа короновал его. Это послужило еще одним поводом для радости. Другие сеньоры, как, например, граф Савойский и граф Женевский, прибыли повидать короля. Несмотря на то, что находились у папы и среди кардиналов, не могли отказать себе в развлечениях. Каждый день танцевали, пели, забавлялись с дамами и девицами Авиньона [56].

Когда король захотел отправиться далее и вступить в Лангедок, его дядья рассчитывали следовать за ним; для них всегда было великой печалью не иметь более никакого значения в управлении; но он простился с ними и сказал им, что на сей раз не нуждается в их услугах. В самом деле, во время своего пребывания в Вильнёве он узнал более подробно, в какое плачевное состояние была приведена прекрасная и богатая страна Лангедок. Королю говорили: «Ах! Государь, герцог Анжуйский, а затем герцог Беррийский разграбили и опустошили эту область. В этом кантоне, и до самого Нима и Монпелье, еще есть кое-какое богатство. Там ведется торговля, и жители обогащаются на суше и на море. Но чем дальше вы поедете, тем больше встретите нищеты; в сенешальствах Каркассона и Тулузы не осталось ничего из того, что могло попасть под руку этих двух герцогов. Они ничего там не оставили; вы увидите людей столь бедных, что те, кто прежде слыли богатыми, не имеют более средств обрабатывать свои виноградники или пахать свои земли. Это было пять или шесть талий в год; одна не была уплачена, как начиналась другая. То была десятина, затем четверть, и до трети, а иногда и всё. Наконец, сеньоры ваши дядья собрали три миллиона золотом от Вильнёва до Тулузы. После отъезда герцога Анжуйского герцог Беррийский застал страну еще довольно изобильной, ибо тот брал только с тех, кто мог платить. Но этот — самый алчный из людей. Ему все равно, как приходят деньги, лишь бы они у него были. Также он никого не пощадил. . . И как он употребил эти финансы? Столь же дурно, как и многие сеньоры прошлого и нынешнего времени» [57]. Все эти речи тронули короля; он хотел вершить правосудие, и его совет сильно склонял его к тому. Он сперва поручил архиепископу Реймскому и сеньорам де Шеврёзу и д'Эстувиллю провести расследование о поборах, разоривших Лангедок. Тогда-то прелат и умер почти скоропостижно. Все думали, что он был отравлен. Одни полагали, что это случилось из-за того, что опасались его усердия в комиссии, на которую он был назначен; более же вообще приписывали его смерть доминиканцам, столь сильную ненависть питали они к нему [58].

Король твердо вознамерился облегчить участь этих несчастных провинций, и именно поэтому он не желал, чтобы его советники были стеснены и уstraшены присутствием принцев. Герцог Бургундский не выказал своей досады перед королем; но когда он остался с герцогом Беррийским, то сказал ему: «Ну что ж! вот король отправляется в Лангедок, дабы провести расследование о тех, кто им управлял. Вот он собирается вести переговоры с графом де Фуа, самым горделивым сеньором, какой только есть, и который никогда не заботился ни об одном короле христианского мира. Он берет с собой в совет только Ла Ривьера, Ле Мерсье, Монтегю и Ле Бега де Вилена. Что вы скажете на это, брат мой? — Король, наш племянник, молод, — ответил герцог Беррийский, — и берет в советники людей совсем новых; если он им поверит, его обманут, и это плохо кончится, вот увидите. Что до настоящего, нам нужно это терпеть. Придет время, когда мы заставим раскаяться во всем и этих советников, и самого короля. Клянусь Богом! пусть делают что хотят: мы вернемся в свои владения. Мы от этого не менее два самых могущественных в королевстве, и пока мы вместе, никто ничего не может сделать против нас».

Итак, герцог Беррийский вернулся в свой апанаж в Оверни, а герцог Бургундский — в Дижон, где снова занялся некоторыми делами, начатыми им до путешествия короля. Самым важным была покупка графства Шароле, фьефа, зависимого от герцогства Бургундского, которым владел Бернар, граф д'Арманьяк. Это владение было весьма обширным, и обладание им должно было сильно увеличить богатство и могущество Герцога. Продажа была совершена за шестьдесят тысяч золотых франков, и герцог Альберт Баварский согласился, чтобы половина приданого герцогини Остренантской, оставшаяся на хранении в сокровищнице Богоматери в Камбре, получила это назначение и это обеспечение. Штатам снова пришлось заниматься изысканием средств для уплаты долгов Герцога. Так как он наделал их и вне герцогства, а Штаты не считали, что эти долги относятся к интересам Бургундии, было оговорено, что большая часть субсидии будет непосредственно выплачена кредиторам герцогства.

Приблизительно в это время один из могущественнейших сеньоров Бургундии, Жан де Шалон, велевший убить одного из сержантов Герцога, был схвачен по его приказу в Конфлане близ Парижа. Герцог приказал арестовать его там Гийому де ла Тремулю, Филиппу де Бару и нескольким другим своим рыцарям, которые доставили его в тюрьму замка Лилль. Оттуда он был переведен в Бургундию, и герцогиня, на основании писем Герцога, находившегося во Фландрии, дважды созывала большой совет, образованный из рыцарей, церковников и бальи главных городов и территорий Бургундии. Было проведено расследование по поводу этого убийства и некоторых других обвинений, выдвинутых против Жана де Шалона. По результатам этого расследования кастелян Жуня был призван выдать виновных, укрывшихся в этом замке, сеньором коего был сир де Шалон. Кастелян отказался, утверждая, что Жунь — прямой фьеф Империи.

Однако первые сеньоры Бургундии проявляли участие к Жану де Шалону и выступали поручителями за него. Герцог Беррийский присоединялся к ним. С другой стороны, прокурор герцога Бургундского требовал правосудия и добивался осуждения виновного. Герцог, в затруднении, велел принести себе документы начатого процесса; принимая во внимание долгую службу дома Шалонов, он заменил уголовное наказание гражданским: что в те времена было весьма употребительно, особенно когда князья нуждались в деньгах. Итак, он конфисковал часть имущества Жана де Шалона и приказал снести и срыть барьеры и ворота замков, которые ему оставляли. Виновному также было предписано основать на месте убийства часовню, бенефиций которой находился бы в ведении Герцога.

Герцог Бургундский добился в то же время от короля, чтобы в случае смерти его жены управление владениями, доставшимися от нее, переходило к нему, с исключением его детей [59].

Несколько месяцев спустя после того, как король вернулся из своего путешествия в Лангедок, генуэзцы отправили к нему посольство, умоляя о помощи и о содействии французских рыцарей против сарацинов африканского побережья, чьи корабли беспрестанно тревожили торговлю на итальянских берегах. Они даже часто совершали набеги на сушу и опустошали ее. Острова Корсика, Сардиния, Майорка, Эльба, Монтекресто, Пьяноза постоянно подвергались их грабежам; и вся торговля христиан на Средиземном море уже не могла вестись в безопасности. Генуэзцы, видя, что Франция и Англия находятся в мире на три года, сочли, что это предприятие, достойное рыцарей обеих наций, — наказать дерзость этих неверных. Они предлагали предоставить свои корабли для переправы и снабдить продовольствием и припасами всякого рода. Это предложение было встречено с великой поспешностью рыцарями и оруженосцами, искавшими случая отличиться. Герцог Туренский пожелал быть предводителем этого крестового похода; не было в самом деле ничего столь рыцарственного и столь авантюрного, как этот юный принц. Он был покровителем и как бы главой всех юных дворян; он помышлял, как и они, лишь о том, чтобы найти случай снискать славу и пронести далеко честь Франции.

Но дядья короля и его совет не захотели на это согласиться, не находя, что это путешествие подобает первому принцу королевского дома. Был избран герцог Бурбонский и получил от короля милость идти таким образом по стопам доброго короля Людовика Святого. Благороднейшие рыцари королевства домогались чести сопровождать его. Под его началом был даже граф Дерби, сын герцога Ланкастерского, который впоследствии стал королем Англии. Сир де Куси, адмирал де Вьенн, сир Ги де ла Тремуиль, мессир Филипп де Бар, сир д'Аркур, граф д'Э поспешили, как добрые и истинные христиане, отправиться сражаться с сарацинами. Они также искали отвлечения от двора [60], они видели там рождение стольких раздоров и совершение стольких малопочтенных дел, что это было великим отвращением для верных слуг короля. Сир де ла Ривьер, сир де Новиан, коннетабль управляли всем. Народы были разорены налогами, употребления которых никто не видел, разве что многие люди обогащались и производились самые безумные траты. Герцог Беррийский был отстранен от управления Лангедоком. Его фаворит Бетизак, чьи все поборы и грабежи он позволял, был сожжен как еретик; это было средство, которое употребили, дабы процесс не казался направленным против самого герцога Беррийского; ибо этот князь позволял все грабежи Бетизака и извлек из них выгоду [61]. Он только и искал случая отомстить за столько оскорблений, которые приписывал особенно коннетаблю. С другой стороны, великая зависть начинала подниматься между герцогом Туренским и герцогом Бургундским. Брат короля, как ни богат он стал благодаря приданому в миллион, которое принесла ему мадам Валентина, и несмотря на прекрасные владения, которые он купил, не мог не завидовать той великой мощи, тем богатствам, тому великолепию своего дяди, которые делали его величайшим в королевстве. Герцог Бургундский сожалел, что не стоит более во главе совета. Он приписывал, и справедливо, эту немилость влиянию герцога Туренского и его жены, которая умела очень нравиться королю [62].

Во время войны в Африке произошло еще одно обстоятельство, повредившее кредиту герцога Бургундского. Король Англии, наслышанный обо всех великолепях французского двора и особенно о прекрасном празднестве, устроенном по случаю въезда королевы, о котором было столько шума, захотел также отличиться каким-нибудь большим увеселением. Он велел объявить турнир и разослал герольдов объявить о нем во Франции, Германии, Фландрии, Шотландии. Когда весть достигла Эно, Гийом, граф Остренантский, зять герцога Бургундского, молодой, щедрый и скорый в решениях, задумал отправиться показать себя на этом празднестве и повидать Англию. Он сперва поговорил об этом с отцом. «Мой дорогой сын, — сказал ему граф Альберт, — тебе нечего делать в Англии. Ты женился на дочери герцога Бургундского, и твоя сестра вышла замуж за его сына. Мы соединены и связаны союзом с королевским домом Франции, не нужно искать других дружб и других союзов». Молодой граф настаивал: «Вы сами себе господин, — добавил отец, — делайте что хотите; но для блага мира было бы лучше туда не ездить» [63]. Граф Остренантский отправился; он выступил с большим блеском на этом турнире и завоевал приз, присужденный дамами. Король и королева Англии оказали ему величайший прием и, дабы более почтить его, предложили ему орден Подвязки. После некоторых колебаний он принял его и был очень неправ. Все французские рыцари, прибывшие на празднества, начали говорить, что, приняв цвета и девиз короля Англии, он ясно показывает, что у него нет французского сердца; что безумие с его стороны так признавать дружбу, выказываемую ему королем Франции и герцогом Туренским, и что он скоро в этом раскается. Добавляли, что тот, кто получает ленту Подвязки, приносит присягу королю Англии никогда не воевать против него; что это значит стать его человеком; и много других речей, не имевших большой правдивости. Однако когда король узнал об этом, он подумал так же и был весьма разгневан. «Пусть-ка теперь придет, — говорил он, — просить меня дать его брату епископство Камбре! Все эти люди из Эно самонадеянны и полны гордыни; они всегда предпочитали Англию Франции. Я хочу, чтобы он принес мне оммаж за свое графство Остренантское, или я присоединю его к королевству». Королевский совет был того же мнения, и герцог Бур-

гундский, несмотря на огорчение, которое он испытывал, не мог этому воспротивиться. Граф Остренантский, получая столь суровые письма и приказы от короля Франции, хорошо видел, что поставил себя в затруднительное положение. Никто не мог уладить это дело, кроме герцога Бургундского. Уже говорили о войне в Эно. Коннетабль и сир де Куси, возвращавшийся из крестового похода, были довольно склонны к этому мнению; но сир де Новиан и сир де ла Ривьер выказывали больше мудрости. Граф Остренантский последовал совету своего тестя: он прибыл в Париж принести оммаж за графство Эно и таким образом примирился с Францией [64].

Однако крестовый поход длился недолго; после осады Туниса заключили договор с сарацинами; они уплатили крупную сумму и обещали более не тревожить торговлю христиан. Так как болезни и жара ежедневно уносили множество людей оружия, удовлетворялись этим малым успехом. Это предприятие снова пробудило в короле и герцоге Туренском вкус к войне с неверными и к прославлению христианской веры. «Если бы мы могли, — говорил король, — иметь добрый и долгий мир с англичанами, если бы мы восстановили единство Церкви, мы исполнили бы обет нашего деда короля Иоанна и его отца Филиппа, которые оба приняли крест и обещали отправиться в Святую Землю». Видя нетерпение короля употребить свою молодость на какую-нибудь войну, ему посоветовали сперва подумать о восстановлении мира в Римской церкви. Сир де ла Ривьер, а также, говорили, сир де ла Тремуйль, большие друзья папы Климента, пользовались своим кредитом, чтобы склонить короля и Герцога переправиться в Италию и с оружием в руках изгнать папу Урбана. Они представляли это предприятие славным и легким. Явился еще один отшельник, желавший говорить с королем и повелевавший ему от имени Бога прекратить схизму; но тот уже не удостоился личной встречи с королем [65].

Итак, проект высадки в Италии был утвержден; надлежало выступить около марта 1391 года с многочисленной армией; у короля и его брата под началом было бы четыре тысячи копий; у герцогов Бургундского и Беррийского — по две тысячи; у Коннетабля — две тысячи; у герцога Бурбонского — тысяча; у сира де Сен-Поля и сира де Куси — тысяча [66]. Люди оружия должны были получить вперед три месяца своего жалованья. Нужно было, следовательно, наложить новые тали. Эта причина заставила забыть обстоятельство, которое несколькими месяцами ранее помешало их требовать; в то время как королевский совет собирался в Сен-Жермене, дабы распорядиться о налогах, разразилась столь ужасная гроза, и буря причинила столько опустошений в лесу, что сочли, будто воля небес против этого побора, на который народ роптал все более и более [67].

С этим налогом случилось то же, что и со столькими другими. Он был уплачен, но не послужил ни к общей пользе, ни к чести Франции. Великая экспедиция в Италию обратилась в ничто, как это часто бывало с самовластными решениями короля, против которых никто ничего не мог поделать в первый момент и которые затем отпадали сами собой [68].

К тому же королевский совет был разделен по этому вопросу, как и по всем другим. Если бы и начали войну в Италии, королю пришлось бы принять союз флорентийцев, которые тогда воевали с сеньором Миланским и с папой; они даже приходили умолять о помощи Францию, предлагая признать короля своим господином. Но герцог Туренский женился на дочери сеньора Миланского; она сама имела влияние на короля [69]; оба они противились войне в Италии, не противясь, однако, слишком открыто идеям короля.

Вскоре после того герцог Бургундский и герцог Бурбонский сами присоединились к этому мнению, и причина тому была столь разумна, что сторонники Авиньонского папы не осмеливались более противиться, как бы им это ни было досадно. Король Англии в самом деле только что отправил торжественное посольство, дабы предложить возобновить новые переговоры для достижения заключения прочного мира. Он объявлял, что его дядья, герцоги Глостер и Ланкастер, сами придут в Амьен для совещания с советом короля Франции, и в его присутствии, если он сочтет уместным. Такие предложения не могли быть отвергнуты, тем более

что мир между Кастилией и Англией только что был заключен и скреплен браком инфанта Кастильского с дочерью герцога Ланкастерского.

Итак, от путешествия в Италию отказались; тогда флорентийцы ограничились призывом на помощь графа д'Арманьяка, шурина Карла Висконти, чей отец был лишен сеньории Миланской Галеаццо, отцом герцогини Туренской. Это предприятие, хотя и предпринимаемое уже не от имени короля, могло быть полезным для Франции. К тому же граф д'Арманьяк обязывался взять на свое жалованье и увести из королевства компании, которые все еще опустошали Овернь, Лимузен, Руэрг, Керси и Верхний Лангедок, где они имели еще множество крепостей для убежища и гарнизона. Герцог Бургундский, и особенно герцог Беррийский, великий сторонник папы Климента, благоприятствовали этому проекту, делая вид, что не одобряют его, из-за большого влияния герцогини Туренской [70]. Несмотря на усилия этой принцессы, был приказан сбор тальи в двести тысяч франков в провинциях, страдавших от компаний; за эту сумму они покинули страну, чтобы следовать за графом д'Арманьяком; герцоги Бургундский и Беррийский даже согласились предоставить им проход через свои владения, сколь бы тягостен ни был этот проход. Герцогиня Туренская продолжала ставить этому предприятию все возможные препятствия. Она извещала своего отца обо всем, что готовилось. Однако граф д'Арманьяк счастливо перешел горы и осадил Александрию; этот доблестный рыцарь погиб вскоре после того, попав в засаду, и ничего не было сделано для продолжения его предприятия. Сеньор Миланский, дабы отделаться от компаний, поспешил дать им по флорину на человека с условием покинуть страну. Тогда они распространились по Савоие и Дофине, где учили свои обычные грабежи. Однако были отданы приказы охранять от этих бандитов проходы через горы и реки, и множество их погибло от рук жителей или от холода и голода. Так закончили эти банды, которые с тех пор не смогли более объединиться; была только одна, Эмери де Северака, которая оказалась умнее. Она захватила врасплох отряд дофинских дворян, вооружившихся для ее истребления; епископ Валанский, принц Оранский, граф Валентинуа были взяты в плен. Эмери де Северак назначил за них выкуп, получил свободный пропуск и увел свою банду в страну Арманьяк. Эта неудача дофинских дворян покрыла их большим позором. Когда весть о том дошла до герцога Бургундского, он не удержался и сказал: «Я бы желал, чтобы они все погибли за то, что имели так мало чести и мужества. Лучше было умереть, чем терпеть такое бесчестье» [71].

В ожидании переговоров в Амьене дела герцога Бретонского снова начали занимать королевский совет; раздоры по этому поводу были не меньше, чем по всем остальным. Герцог Бретонский и коннетабль ненавидели друг друга более чем когда-либо. Первый чувствовал поддержку дядьев короля и особенно герцога Бургундского, который стал, как и герцог Беррийский, великим врагом коннетабля. Герцогиня Бургундская была первой причиной этой ненависти. Это была женщина с решительным характером и твердой волей; она была племянницей герцога Бретонского; так как она ненавидела всё, что ненавидел ее отец, и любила всё, что он любил, она питала живую привязанность к своему дяде; в самом деле, граф Фландрский всегда питал к нему братскую дружбу и помогал ему и утешал его во всех его невзгодах. Итак, мадам де Бургонь была госпожой в доме; ее муж боялся бы ей перечить, ибо она принесла ему великие наследства и родила прекрасных детей. Она воспылала жестокой ненавистью к коннетаблю, и вследствие этого Герцог также питал к нему все большую неприязнь [72]. Герцог Бретонский, зная, что его поддерживает столь могущественный князь, ни во что не ставил недоброжелательство короля, его совета и почти всех сеньоров Франции и шел своей дорогой без всякого беспокойства. Так, он не исполнил ничего из того, что предписывал королевский приговор, ни того, что он обещал в возмещение за обиду, нанесенную коннетаблю. Так, когда король пригласил его присоединиться со своими людьми оружия к армии, которая должна была идти в Италию, он публично насмеялся над этим предприятием и продолжал не признавать власти Авиньонского папы. Так, он продолжал чеканить золотую и серебряную монету, тогда как

вассалу дозволялось чеканить только медную монету; его судебные чиновники не признавали юрисдикции Парижского парламента; он доходил даже до того, что принимал от своих вассалов безусловную присягу без оговорки о сюзеренитете короля. Король был поэтому весьма озлоблен против него. Его раздражал этот дух мятежа и это вероломство. Коннетабль, со своей стороны, жаловался беспрестанно и, сам творя суд с оружием в руках, возбуждал великие смуты в Бретани. Его партия в королевском совете была многочисленна, и в данный момент он был там сильнее кого бы то ни было. Великие и верные услуги, оказанные им Франции в царствование короля и во времена его отца, снискали ему доверие и расположение всех сеньоров и короля; он был особенно любим герцогом Туренским [73].

Тем не менее король и его брат в то же время выказывали величайшую благосклонность врагу коннетабля. Это был мессир Пьер де Краон, родственник герцога Бретонского, человек весьма проникательный и ловкий. Он уже пользовался всей дружбой герцога Анжуйского, который во время своего предприятия против Неаполя доверил ему большую часть своих сокровищ. Тогда говорили, что сир де Краон, по небрежности или алчности, дал своему господину нуждаться в средствах и деньгах в самый решительный момент и тем самым недостойно явился причиной его гибели. Сперва он спасся бегством от мщения, которое навлек на себя; герцогиня Анжуйская все еще преследовала его с требованием возврата сумм, которые, как она утверждала, он удержал. Считали, что ее жалоба тем более основательна, что он вел большой дом и слыл обладателем несметных сокровищ. Он сильно втерся своим умом и ловкостью в милость короля и особенно герцога Туренского; этот князь любил его до такой степени, что никогда с ним не расставался, всюду его с собою водил, посвящал во все свои тайны и даже часто носил платье, одинаковое с ним. Но Клиссон выдал свою дочь замуж за графа де Пентьевра, брата герцогини Анжуйской; он знал поэтому лучше кого-либо о проступках сира де Краона. Между ними часто происходили стычки, и коннетабль всегда обращался с ним весьма высокомерно. Таким образом, помимо дружбы и родства сира де Краона с герцогом Бретонским, между ним и коннетаблем были великие причины для ненависти; он поддерживал тайную переписку с герцогом Бретонским, извещая его обо всем, что происходило при Дворе [74].

Некое приключение внезапно превратило великую любовь герцога Туренского к сир де Краону в яростный гнев. Князь был тогда красив, молод и влюбчив. Дамы и девицы легко ему нравились, и он вел веселую жизнь. Он пылко любил одну прекрасную парижскую девицу и предлагал ей до тысячи золотых корон за ее благосклонность. Так как он ничего не скрывал от сира де Краона, то привел его к этой девице. Краон совершил предательство, рассказав всё герцогине Туренской. Она призвала юную даму и сказала ей с гневом: «Как! вы хотите, значит, отнять у меня Монсеньора?» Бедная девица, вся испуганная, ответила, плача: «Никак нет, мадам, упаси боже; я не посмела бы и подумать. — Это правда, — продолжала герцогиня, — я всё знаю и хорошо осведомлена; Монсеньор вас любит, и вы его любите. Дело зашло даже так далеко, что он обещал вам тысячу золотых корон. Но вы отказались и поступили благоразумно. Я прощаю вас на сей раз и запрещаю вам, если дорожите жизнью, впредь иметь какие-либо беседы с Монсеньором. Откажитесь ему».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.